

Смена

1
в Библиотеке

XXI
101
T

N 15

Пулеметы Особой Сталинской — в боевой готовности!

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

10
КОП.

ZUM GLÜCKS-HAFEN

„К СЧАСТЛИВОЙ ГАВАНИ“

Производство Совкино

Роскошью и комфортом встречает цивилизованная Европа гостей из Америки, приехавших искать новые источники экспортации. Повсюду световые рекламы, потоки электричества заливают огромные витрины роскошных магазинов.

Культура!

Механические прачечные отглаживают хромальными рубашками для кутящей буржуазии, а работница принуждена развесить белые в своей тесной комнатке.

Чистота!

Гай идет по трубам, чтобы нагреть воду для ванн в роскошных особняках, а различные малюковские леги рабочих играют и растут у помоих загаженного двора.

Механизм!

С борта парохода опускается на набережную роскошной автобусной машины-американца следующий кадр показывает слепого, работающего у кондитера за 15 коп. в час, и работницу, двигающуюся вздоль стекни на передвижном кресле — живая человеческая машина.

Довольно, довольно слушать солдат!

Так кричат афиши компаний. Они находят живой отклик среди рабочих. Сотни плакатов на демонстрациях кричат непримиримо: Долой фашизм! Долой безработицу! Работа и хлеб! Да здравствует СССР — отечество мирового пролетариата!

Счастливой гавани, которую предлагают пролетариям буржуазии. Пролетариат ищет ту единственную гавань, к которой надо ити под полными парусами революции.

«К счастливой гавани» родил с «Симфонией большого города» живой показ большого промышленного центра Европы с его изощренной техникой производства и бешеным темпом жизни. Идея фильма в том, что немецкий режиссер показал жизнь Берлина как нечто проочно установленное, тогда как Владимир Ерофеев, не называя города, показывает его жизнь, раздираемую противоречиями, так, что она становится типичной и характерной для всего капиталистического строя.

«К счастливой гавани» можно, спокойно и равнодушно, смотреть, буржуазии показано подробнее и детальнее, чем жизнь рабочих. Наконец в показе рабочего движения нехватает ответственного связующего звена рабочих складов, собраний и последней упорной работы компартии по собиранию и обединению революционных сил пролетариата.

Р. Кударов

«Я безработный два года...»

«Виды» для рабочих.

Бездомные.

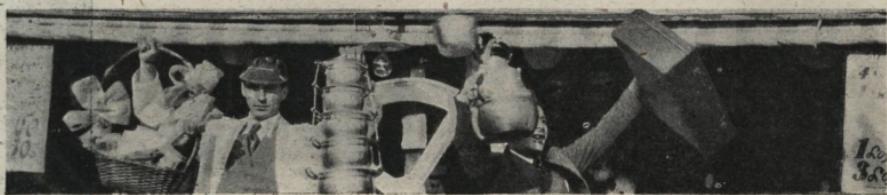
Вечером в буржуазных кварталах.

«Армия спасения».

Обед бедработного.

1.
2.
3.
4.

Смена

№ 15 МАЙ 1930 г.

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ—Изд. «Молодая Гвардия»

Ответственный редактор С. Комаров.
Заведующий редакцией Я. Юдинский

ДВА ВОПРОСА СОЮЗНОЙ ЖИЗНИ

Происходивший 15—17 мая пленум Центрального комитета ВЛКСМ обсудил два вопроса, имеющих сейчас большое значение для всего созида.

В первую очередь обсуждался вопрос о союзной работе в сельских задачах работы комсомола в деревне. За последние несколько лет комсомольские организации в деревне прошли большую школу классовой борьбы с кулачеством, обогатились опытом борьбы с правым оппортунизмом и принесли большую помощь партии в деле проведения ее линии. Однако достигнутые партией в области колхозного движения успехи были в значительной мере местными организациями, в результате чего мы получили «кевые» перегибы, из-за которых нарушение движению.

Задача комсомольских организаций в деревне,—сказал пленум,—состоит сейчас в том, чтобы направить все свои силы для скорейшей ликвидации допущенных ошибок, для борьбы с «зелеными», антипартийскими элементами в деревне. ЦК ВЛКСМ и ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ меры помогли местным организациям исправить ошибки, что дало новый привод в колхозы. Но есть еще не мало таких яичек и змеенев, союза, где пытаются замазать свои ошибки, не хотят учить их уроков. Здесь махровым цветом расцветает сейчас правый оппортунизм, оставшийся главной опасностью в интигационной политике сельской молодежи. ЦК ВЛКСМ принял постановление, чтобы ЦК ВЛКСМ и ЦК ВКП(б) уделили так же, как по тем, кто не торонится с исправлением ошибок, так и по тем, кто растерялся, вина в пассивность и вчерашнее ура-настроение смешал на правый лесенек, кто исправление ошибок хочет выдать за отступление.

Классовый долг комсомола сейчас — мобилизовывать активность широчайших масс батрацкой, бывальной и серединникской молодежи на выполнение задач сельской социалистической перестройки сельского хозяйства—сева, подготовки к уборке, хозяйственного укрепления колхозов.

Вторым обсуждался на пленуме вопрос о массовой экономической работе союза. Подчеркнуто, что с ростом социалистического строительства удашается и благосостояние рабочей молодежи, пленум отметил известный упадок работы союза по охране здоровья рабочей молодежи и здоровьем рабочей молодежи. Борясь с рабочими настроениями в отсталых слоях молодежи, поднимая массы на выполнение хозяйственных задач, союз ни на минуту не должен забывать своих прямых обязанностей по защите экономических интересов рабочей и батрацкой молодежи.

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6, изд-во «Молодая Гвардия».

Телефон 2-35-26.

Обложка худ. М. Житомирского.

ОСОБАЯ СТАЛИНСКАЯ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ОСОБОЙ КАВБРИГАДЫ ИМ. СТАЛИНА

Фото М. Хана

ТРУБАЧИ.

ЖИЗНЬ ПРОЛЕТАРИЯ

Людвиг Турук

Перевод Р. Ландау

Рис. В. Люшина

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО:

Пролетарский писатель Герман Альден Турук рассказывает о своей жизни. Тяжелая, полная лишений, она протекала в многочисленной семье рабочего-парикмахера — отчима автора.

В поисках хлеба глава семьи принужден был коечевать из одного города в другой. Семья голодела, и маленький Людвин выходит на улицу, чтобы добывать пропитание себе и накормить мать и младшую сестру и сестер. Он работает мясорубщиком, в минуты звериного голодания принужденный таскать хоть что-либо с едой с прилавков роскошных магазинов.

Благодаря усилиям батраков. В деревне он падает тут же — колодило жестоко, побеги ведут от ворот к воротам. Старший Людвин поджигает алмаз своею головы, за что немедленно настоняется на деревни. Попадает он мальчиком в ресторан. Здесь, в атмосфере разложения и разврата, он работает за троих. В его полное распоряжение представляется не больше семи часов — для сна. Остальное время он работает в кунце на побережьях, таскает чистые, развесовые тележки с продуктами и т. п.

В типографии, где Людвин начинает работать с начала 1914 г., он вступает в Союз социалистической молодежи. Первый же год он получает истинную сущность социал-демократических рукописей, честно несущих службу буржуазии. Людвин переходит в лагерь противников войны, антигитлер против боевых и буржуазии, выживавшей ее. Война требует нового языка, и Людвин забирают в армию.

Продолжение, начало см. в №№ 13 и 14 „СМЕНЫ“

— Подумать, только: ни намек на протест против голода и боязни... — говорила она.— Одни только Кара Либхайт, да вот еще русские в Швейцарии выпустили провозглашение против войны. Вот что, товарищ, позмы с собой пачку в казармы, но не разрывай их открыто, а положи куда-нибудь, ну, хотя бы под стол. Если тебя поймают, смотрят, сколько выйдет меня.

На следующий день было воскресенье, и я опять решил прогуляться. Когда я вернулся, товарищи испуганно сообщили, что меня ищут, что найдены пропагандисты и что меня ждет суровое наказание.

Я был вызван в канцелярию, и какой-то офицер стал расспрашивать меня о происхождении пропагандистов.

— Да что в них написано что? — простодушно спросил я.— Ведь я их еще не читал! Я сам получил их только в пятницу...

— Откуда они у вас?

— Мне их дал какой-то человек у ворот казармы и велел раздать солдатам...

— Вы хотите нас уверить, что пропагандисты попали к вам случайно?

— Конечно, я как раз возвращался из города.

— Разве вам известно, что солдатам не разрешается отлучаться из казарм?

— Да, но ведь, скучно же валяться на кровати целый день!

Мое простодушие обозеружило лейтенанта, и он отпустил меня...

Несколько недель спустя мы все до того измучились от военнопленных, что сюда держались на ногах и нередко засыпали стол. Потеря в весе была ужасна. Еще бы! В три месяца нас хотели заставить пройти курс обучения, длившийся в мирное время не меньше трех лет.

Обращение фельдфебелей и унтер-офицеров с солдатами было самое возвышенное:

— Ах вы, проклятые собаки! — рычал наш вахмистр. — Прямо стоять! Я вас научу, негодни, что значит быть настоящими солдатами!

Не было таких ругательств, которых не смыкались бы на наши головы. А ведь наша батарея состояла почти исключительно из молодых людей в возрасте от 18 до 20 лет! Каково нам было терпеть все эти издевательства!

ТУРК НА ФРОНТЕ¹

Я СТАНОВЛЮСЬ ДЕЗЕРТИРОМ

Когда я очутился в команде выхлопотавших в Познани², выяснилось, что поблизости от места нашей стоянки живет мой дядя. Я прескокойно отправился на четыре дня к нему в гости, но сделал это без разрешения начальства, за что получил осно-

вательный нагоний. В наказание я должен был убирать конюшни. Погоревши ночью с дежурным унтер-офицером, я вспылил и ударили его на голову метлой по голове.

Я хорошо знал, что моему отданью наступила комедия и что за этого я буду немедленно отправлен на фронт, и потому твердо решил никогда больше туда не возвращаться.

Приняв это решение, я сразу выработал определенный план действий. В военной форме дезертировать было немыслимо. Я отправился к своим родственникам. Каково было удивление этих простоватых, добродушных людей, когда они услышали о моем желании убежать. Когда же они узнали, что я хочу одеться как можно хуже, чтобы не быть шутками нарядили меня форменным костюмом с большой гордостью.

Брюки были более или менее сносные, но куртка пестрела основательными дырами; рубаха была не лучше. От вояков я вообще отказался. В кармане сунул разорванный новосортный платок с польской медведь. Лицо и руки вымыздал сажей. Борода за несколько дней лихо отросла. На ноги и натянул сапоги, на голову — старую польскую меховую шапку. Она придавала мне вид настоящего польского нищего. Я так насыпал ее на уши, что когда поднимал голову, лицо почти не было видно.

Ранним утром двинулся я в путь и, желая уединиться, хоронил ли моя маскарад, отправился прямо на вокзал. В корзине для бумаг я прятал старую книжку, в корзине для покупок — книжку с картоном и сунул ее в карман; вместе с книжалообразным ножом и обвязанной трубкой это был весь мой багаж.

Первые сочлененные души осенели грязного человека, напоминающего майского жука. В таком виде я смело зашагал по проезжей дороге. Главного же добился — во мне теперь ни один человеческий дух не мог узнати дезертира немецкой армии.

Проходя по улицам жаждого городища и увидев свое отражение в витрине какого-то магазина, я твердо поверила, что бреду из глубины. Поплыла в неизвестную мне страну, что меня зовут Альж Кашмарек, что я глуп, ленив и проклорий, как жандарм из померанской деревни.

В какой-то деревне, название которой я не помню, со штыком пронесли меня в один случай. В одном доме я попросила дать мне выпить. Хозяин тотчас же вскочил с места, схватил меня за руки и начал громко кричать:

— Это сбежавший из лагеря военнопленный, надо отвести его в жандармерию!

Не успел он вынести меня во двор, как я одной рукой ударила его в живот, другой по физиономии. Он полетел кубарем в извозную кучу, а я дал тягу и спиралась на дереве.

Лишь наступившая ночь спасла меня. Я спала на крыше и пошел дальше, вспоминая одну немецкую песню за другой.

До границы оставалось километров сорок. Я знал, что там меня посыпят за решотку, но надеялся, что не надолго. Германия нужны рабочие силы — нескушь меня посыпят больше, чем на четыре недели. Работать я готов был, где угодно и как угодно. Двигающее, чего я не хотел, это рисковать своей жизнью на фронте за тот строй, который этого не стоит...

Наконец я пришел в Кюстрин. До середины дня власти не обращали на меня внимания. На главной улице стоял позиционный, но он не арестовал меня. Одетые в белые платья мозговые де-

¹ По техническим соображениям мы выпускаем из романа эту главу.

² Познань — промышленный город в Польше, до мировой войны принадлежал Германии.

вушки шли на прогулку. Одна, хорошо известная мне по лазертю, сестра с отвращением посмотрела в мою сторону. По слухам воскресенье обывательские семьи развлекались. Я почувствовал страшный голод. Вокруг меня стали собираться прохожие.

Всем рокко, бродяги!

— Такие люди не любят, им нужны деньги!

— Погоди у тебя, небось, по всему телу болят?

Тут, наконец, ко мне подошел блестящий порядка и потребовал мои документы. Я бесстыдно посмотрел на него. Он грубо разнул мой карман и вытащил польскую книжку с картиками.

— Идем! — сказал он и потянул меня за собой.

За нас с визгом побежали мальчишки. Участок оказался поблизости.

— Ах ты, поляк проклятый, становись носом к стекне, — сказала — засори в меня там... Как тебе зовут, вшивая морда? — Молчание.

— Приходите, скоты, в Германию и ни слова не знаете по-немецки! Как тебе зовут, дубина? — тыча меня кулаком в грудь, кричал полицейский. — Станислав, Николай, Иван? Такого идиota я еще не видел!

Вдруг ему пришла в голову блестящая мысль.

— Писать умеешь?

— Да.

— Ну, идиот, пиши свою имя.

Я из всех сил нажал перо, и оно сломалось. Тогда полицейский начал меня колотить кулаком, грозить револьвером. После этого, без всякого допроса, меня повели в тюрьму и втолкнули в совершенно темную дыру. Дверь захлопнулась. Я сразу почувствовал, что здесь есть еще кто-то. Из темноты послышалась голос, слабый, как у умирающего. Не понимая ни слова, но по тому догадываясь, что неизвестный задает мне какой-то вопрос, я говорю на польском:

Чтот?

Из глубины смрадной ямы слабый голос шепчет:

— Поляк?

— Да, — отвечая я.

Я знаю, что сейчас светит солнце, но здесь этому трудно поверить. Ощущую приобретшую вдруг холодной стены и вдруг напыщенца на человека. У него холодное, как лед, лицо.

— Вставай! — по-польски кричу я. — Вставай!

Из темноты слышится слабый голос:

— Есть у тебя спички, папиросы?

— Нет! — Иду туда и напыщаюсь на человека с босыми ногами и горячим от жара лицом.

— Немец! Поляк? Русский?

— Да, да, товарищ, товарищ...

Я прихожу к ужасу. «Один уже умер, другой умирает, то же ждет и тебя», думал я. Начинаю неистово колотить в дверь. Появляется сторож.

— Товарищ умер! Товарищ умер! — кричу я.

Меня хватают и тащат по коридору. Бросают в другую каморку. Вскакиваю на окно — увы, двойная решетка, толстые стены!

Из этой дыры меня выбрали крестильни, у которого было пять молочных коров, три лошади, огород, луга и которому нужен был

рабочник. Работать приходилось с четырех часов утра до десяти часов вечера.

Я побывал недолго и, собрав немножко денег, не долго думая, поехал в Берлин. Чего я только не делал, где только не работал! Наконец мне все надоело, и я решил поехать в Стендаль. Зачем, собственно говоря? Просто для того, чтобы познать своих близких, несколько раз покатать на настоящей кровати, а затем отправиться в другой городок деревенской деревни, городок Лер, с удостоверением личности моего друга доктора Артура Зайденштюкера.

Тяжелые грозовые тучи нависли над городом. Я сидел в своем кабинете, когда вдруг влетела в комнату молния. В тот же вечер я должен был переправиться через реку Эмс в местечко Веннер, откуда до границы было около двух часов ходьбы. Надо было по чти то бы ни стало пройтись до Голландии до самого Амстердама.

Узнав, что есть паром через Эмс, я отправился туда. Уже стемнело. Какая-то девочка с фонарем в руках искала дождевых червей.

Я осторожно спросил ее:

— Скажи, девочка, можно пересеять без паспорта на ту сторону?

— Ну, нет, у кого нет паспорта, тот дезертир, — сурово ответила она.

— Ага, в таком случае я должен вернуться домой за паспортом.

Но девочка уже поняла, в чем дело, и стучала деревянными башмаками, побежала к парому.

— Здесь дезертир, идите скорее сюда, здесь дезертир! — кричала она. Ни терпения минуты, я бросился бежать. В конце избранной, несмотря на грязь и тину, я бросился в воду, надеясь спастись.

В эту же минуту разразилась страшная гроза. Только благодаря ей я узнал, что скоты прославлены.

Хорошо, но где пересеять? Когда я вернулся в город, на башенных часах пробило час ночи. На углах стояли две полицейские. Я спросил их, нет ли поблизости гостиницы. Так как в Лерре обыватели очень рано ложатся спать, я показалась им подозрительным. Полицейские заверили мне, что я переношу в участке, так как совершенно промок и в гостинице меня так поздно не пустили. Я был подготовлен к такой возможности и знал, если обнаружится, что я дезертир, меня приговорят к пяти годам крепости.

В участке пришлось сдать деньги, нож, бумаги и опять очнуться за решеткой. Сняв мокрое платье, я забрался под одеяло и заснула споном праведника.

В восемь часов утра меня разбудил благообразный старик с седой бородой. Он хотел, чтобы я вынес парашу. Я заявил, что ничего не понимаю, и потребовал, чтобы меня повели к комиссару.

— Господин Зайденштюкер, — добродушно сказал он, — из ваших бумаг выяснился, что вы родом из Стендала. Будьте любезны сказать, зачем вы приехали сюда?

— Я хотел известить моего дядю.

— Позвольте узнать его адрес?

— Деппштейское шоссе, 36.

— Такого у нас не существует!

— В таком случае дайте мой бумаги. Вот письмо от дяди с его адресом: Кара Баке, Деппштейское шоссе, 36. Вы удовлетворены, господин комиссар?

— Разрешите обратить ваше внимание на то, что в письме указан город Леге, а вы приехали в Лер. Ваш дядя живет в 60 километрах от Бремена, вы же находитесь у голландской границы.

— Какая досадная ошибка! У голландской границы! Какое не приятное недоразумение! Из пяти дней отпуска я уже потерял два!

— Разрешите узнать ваша имя?

— Артур.

— Когда родились?

— 28 декабря 1897 года.

— Имя отца?

— Август.

— Где живут ваши родители?

— В Стендаль, Бергштрассе, 67.

— Благодарю вас, через некоторое время я вас опять позвоню.

Сюда.

Через два часа загремел замок моей камеры.

— Господин Зайденштюкер, мы достаточно помучили вас. Мы телефонировали вашим родным и удостоверили вашу личность. В 7 часов 22 минуты отправляется поезд в Бремен. Вот ваши бумаги, деньги, бумаги, нож. Счастливого пути!

— Прощайте, господин комиссар.

Крепко рукопожатие. Я свободен и далаюсь от смеха...

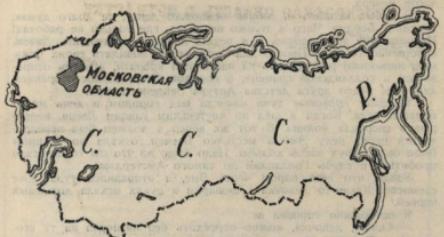
Вырвавшись на свободу, я все-таки опять пошел на берег Эмса. Недалеко от реки стояла ветряная мельница.

— Разрешите ее осмотреть? — спросил я мельника и осторожно стал спускаться на землю. О возможности перехода через границу. Неожиданно он спросил меня, точно дело шло о фунте муки, не хочу ли я дезертировать. Я отрицательно покачал головой и заявил, что, наоборот, рузы в армии, но меня не принимают.

Очерк П. Лопатина

О МУСОРЕ, ЗОЛЕ И ЗВОНОК

Карта ССРР. Зачерчена Московская область. См. на след. стр.

ТАМ, ГДЕ ЖИЛ КОГДА-ТО СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

По преданиям старине, здесь жил когда-то Соловей-разбойник. Его излюбленным логом было берега Черного озера—темного, мистического озера. В те времена, когда проходила дорога из Москвы во Владимир и дальше—к Нижнему на Болгу. И не было на всем этом пути более жуткого места, чем берег Черного озера.

Старини знали, когда едешь вдоль Черного озера, нельзя ни на шаг отходить от дороги. Действительно, стоило смекнуло, осушавшемуся старинского наказа, отойти в сторону озера, как сразу же на тебя напал его ноготь. Горя ему, если испугавшийся чащающей земли, он бросился бегом обратно на дорогу: земля расступалась под ногами и медленно засасывала неосторожного.

Старини уверяли, что эти скрытые ими мыры сам Соловей-разбойник, и некоторые даже сказали, как злодрахи хотели он, сидя на дереве, когда болдо засасывало в своих глубинах глубу тщетно Бахромашегося сначала.

Когда же по вечерам купчи и борзе проезжали с Волги в матушку Москву, спеша до чи чи проехать страшное место, на них надмигались с озера туши ядовитых комаров, позади белые облака сырого тумана, и часто из белесоватого сумрака леса раздавалась страшный свист Соловья-разбойника. Свист зуяг лошадей в белом тумане винтился туда-дорогу, и целие обозы, сбиваясь с пути, гибли в трясине под страшным свистом. Соловью.

Так рассказывали деды о Черном озере, что раскинулся в болотистых лесах в 125 км от Москвы.

Конечно, в старицких рассказах правда спущена со сказкой, но да нас Черное озеро доныне проклятым, гиблым местом.

На межевании болотистой топи Среди болот редкие клочки возвышенности. На них легли деревенски с неродственными назнаниями: Чертовища, Блохи. К ним можно было проходить только в сухое летнее время. Но даже и в жаркие июльские дни в пяти шагах от дороги болото могло затянуть и лошадь, и седока, и телегу. На суходолях крестьяне кидались по-старинке союхой и деревянной бортикой. Крестьяне, конечно, были не агностики, даже деревеня, и те не жили на берегу озера больше двадцати лет: они быстро становились трухлявыми, заблевавали немезичной болезнью и бессильно оседали вниз.

Так было еще совсем недавно, всего лишь несколько лет тому назад.

Сейчас в самом логове Соловья-разбойника, на берегу Черного озера советские рабочие и инженеры содерцили, казалось бы, невероятную вещь. На болоте, не выдергивавшем тяжести человека, выросло громадное здание Шатурской электростанции. Выросло быстро, не ждано не гадано, как в сказке, и pronto встало своим фундаментом там, где раньше была бездонная топь.

К серой громаде станции припелись справа две наклонные эстакады—две лестницы, одна из которых ведет к правой эстакаде, другая—к левой. Одна из них ведет в верхний этаж станции, затем снова поднимается около профилю положенного угла, спускается по левой эстакаде и, делясь петлю на основании, снова лежит наверх по правой.

Эта стальной катапульта—корицан станции, он питает ее торфом, шатуцкими болот. У основания правой эстакады он захватывает подземные слои с болота вагонетками с торфом, сам тащит их вверх, сам выгружает их в особые колоды (бункера), сам спускает пустые вагонетки вниз и снова захватывает грузеными, чтобы опять поднять их вверх ибросить их в содержимое вспыхивающие топки котлов.

Топка, котельня, кочегар... При этих словах обычно рисуются мрачные, грязные, подземные помещения, истошенные полупоголье люди, подбрасывающие лопатами топливо в жару печи, и сажа, черная и липкая, покрывающая все—и потные тела кочегаров и закотепные стены.

На Шатуре не найти этого. Вместо сажи, копоти и пыли—светлая пыль, высотой в 2 метрах. При четырех стенах занимает окно, в котором висят на цепях металлические трубы, по которым торф попадает в топки замурованных кирпичом котлов.

Поворот ручагата—и десятки тонн торфа послушно летят в топки. Круглые измерительные приборы своим шевелющими стрелками показывают кочегару, что происходит в топке и в паровом котле, а машины с электрическим моторчиком, скромно умевшие в сторонке, приводят в движение

Оно непрестанно движется—это бесконечная лента с насыпанным на нее слоем торфа, который догорает к концу своего путеше-стия и в виде золыпадает вниз; там, в светлом зальном помещении, его ждут вагонетки, которые время от времени отвозят пыль-тический паровозик.

В машинном зале снова громадные окна, потолок, уходящий куда-то ввысь, и уложен-

Май 1929 г. На сцене московского Большого театра стоит серый инженер, старый большевик, друг В. И. Ленина и его товарищ по избирательному делу—Глеб Максимиланович Кржижановский. Он доказывает В Всесоюзному Съезду Советов о пятилетнем плане нашего строительства.

Г. М. Кржижановский первко ходит по сцене. Он говорит горячие слова, он бросает удивительные цифры—цифры пневропортного роста нашего хозяйства. А за ним во весь громадный зал сцены Большого театра висят карта—темная, немая, ничего не говорящая карта бывшей Российской империи.

Внимательно, напряженно слушает съезд и ждет, когда же заговорит эта карта... Наконец карта заговорила, седой инженер присядел, спорт, меткая текстиль, химии—давно вслед строительную.

И темп, немая карта ожила. Она вспыхнула сотнями разноцветных огней—красных, желтых, синих, зеленых. Эти огни обрамляли нашу новую страну.

...Вот красные огни предполагаемых к постройке электрических станций. Вот зеленые огни новых соколов и колхозов. Вот металлоизделия, химические заводы, каменоломныерудники, нефтяные промыслы, шахты, разработки, текстильные фабрики, хлопковые плантации. Вот вся наша предполагаемая пятилетняя стройка...

Карта вспыхнула. Она горела, переливалась сотнями огней—это новая карта Союза, сверху донизу перекраиня огни пятилетки. А Г. М. Кржижановский взволнованно смотрел на эту огненную карту и первко мух в руке клацнул белой бумаги, — это было письмо В. И. Ленина, адресованное ему 10 лет тому назад.

В те далекие, бурные годы Владимир Ильич предлагал Г. М. Кржижановскому составить план развития народного хозяйства. В письме между прочим, стояло:

«Нельзя ли составить план, государственный план—задание прорабатывать?»

Проверено: в 1957 г. построить 20—30 (30—50?) станций... на торфе, воде, на сланце, на угле, на нефти, на газе... Я думаю, подобный план... вы бы могли дать.

Его надо дать сейчас, чтобы награду, популярно, для массы, учить ясной и яркой перспективой: за работу, и в 10—20 лет мы Россию всю, в промышленную и земледельческую, сделаем электрической. Доработаемся до стольких-то (тысяч или миллио-нов лош. сил, или к. у., чорт его знает) машинных работ и пр.

Если бы еще примерной карту России с центрами и кругами или этого еще письма?»

А в конце стояло:

«Позвоните мне, пожалуйста, по телефону, получив это письмо, и мы поговорим. Ваш Ленин».

Нынешними блестящими каменными плитами пол.

На полу лежат громадные генераторы: они питаются паром паровых котлов и рождают электрический ток. До 16 тысяч киловатт да каких генераторов только 60 тысяч или единицы единиц, сколько же заменили его.

Так выходят со станции с другой стороны—там, где, как грозы коринцевого анти-дракона, висят на высоких металлических столбах фарфоровые изоляторы. Длинной непрерывной цепью тянутся эти ажурные стобы с фарфоровыми гирляндами, уходя за станции в лес, в болото, в топь по направлению к Москве.

Так победили большевики Соловья-разбойника, победили непрощимую топь, белый туман, тучи малярных комаров и на ветром синюю пыль советской электрификации—прекрасную Шатуру.

Потому что Шатура мы, действительно, можем гордиться как блестящей победой советской техники. Не даром ее часто посыпали знамениты иностранные инженеры. Они часами стоят у шатуцких топок, разглядывают, записывают, удивляются, а потом, набравшись новых знаний, получившихся с этой победой, уезжают.

Европе попробовать в мире устройства Шатурской станции.

Таков первый пыткомник будущей Москвы электрической силой.

**МИЛЛИАРД ТОН УГЛЯ
ПОД МОСКОВЬЮ.**

**40 ДИЕПРОСТРОЕВ В НЕДРАХ
ТУЛЬСКИХ ПОЛЕЙ.**

У самого сердца страны, под Москвой, в Тульской и Рязанской губерниях, лежит

СОЛОВЬЕ-РАЗБОРНИКЕ

К ЛЕНИНУ

Прошел год с тех пор, как в первый раз вспомнил разноцветными огнями карта пятилетки. За это время не красной, светящейся полосой на карте, а стальной лентой ролью по пустынам и горным кряжам Казахстана легла Турукстан-Сибирская магистраль. Уже спешно заканчивается монтаж гигантского тракторного завода в Степногорске, уже первые десятки автомобилей выпущены Автосборочным нижегородским заводом, уже десятки новых доменных печей дали тысячи тонн жидкого чугуна. Огни на карте быстро превращаются в заводы, станции, комбинаты, железные дороги. И многое бы дал Г. М. Кржижановский, чтобы сейчас из своего кабинета в Госплане, откуда идут все нити пятилетней стройки, позвонить В. И. Ленину.

— Готово, Владимир Ильин! То «задание пролетариата», о котором вы говорили в своем письме и которое было дано в зализогорниной карте на *V* Следует Советом, блестяще выполняется! Советский пролетариат, засучив рукава, решительно и смело перекраивает карту Союза. И мы действительно скоро превратим «нашую промышленную и земледельческую Россию» в электрический и социалистический СССР, потому что путь пятилетки — путь к социализму.

Начиная с этого номера «Смены» редакция поместит ряд очерков П. И. Лопатина о том, как перекраивается пятилеткой картина Союза

В них будет рассказано, как на трясине лесного болота вырастает самая образцовая электрическая станция мира на гольфовых берегах Тихого океана, как в ней производят миллионы тонн электроэнергии для всего Сибирского края и всей Сибири, как в ней производится искусственное удобрение, алюминий, крахмал, стекло. В этих будущих рассказах и о том, как вспыхнут огни электростанций в самых прекрасных рощах Кавказа и какой золотистый урожай собираем мы с подводных городов Тихого океана, приготовляем из него галеты и печеные, удобрение и инд.

Первый очерк, помещаемый в этом номере, посвящается новой Московской области.

таинственная, неразведенная область, раскинувшаяся на 25 тыс. кв. км. Она носит название:

ПОДМОСКОВНЫЙ КАМЕННОУГОЛЬНЫЙ БАССЕЙН

— Да, правда, лежат здесь какие-то угольные пласти. Но какая цена этому углю? Четверть его — зола, четверть — вода, а половина — угольный мусор.

Никто никогда не попытался до революции не только серьезно купить здесь землю, но даже и понинтересоваться сколько лежит здесь этого угольного мусора, и правда ли, что он лишь индукционная смесь золы, воды и чугуна, него обсыпалась.

В результае до последнего времени было разведано лишь 1½% площади таинственной земли. 98% попрежнему остаются никем и никак не обследованными.

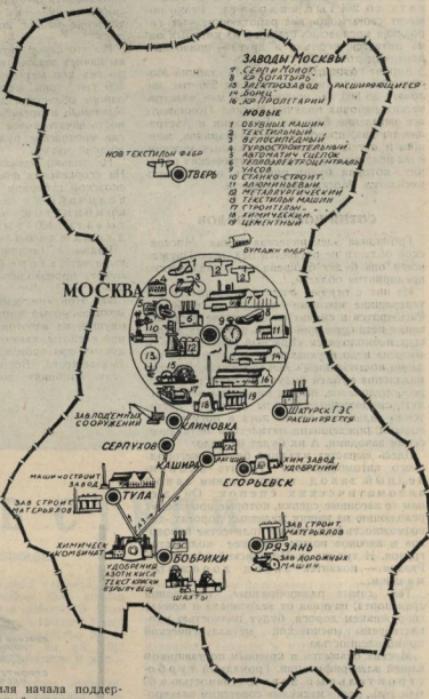
Московская угольная земля была открыта тотчас же после революции.

спорт «Еле-Б» обслуживал только воинские перевозки. Донбасс был отрезан Деникиным. В сибирском Кузнецком бассейне царствовал Колачев. Уральский Кизел жестоко боролся с удушием и водой, заливавшей его шахты.

Столица замерзала—надо было во что бы то ни стало добыть топлива. И тогда вспомнили про Подмосковный бассейн.

Рис. В. Голицына

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ В ПЯТИЛЕТКЕ

Туда бросили рабочих, продовольствие, ученых, и таинственная угольная земля начала поддерживать дыхание застывшей столицы.

живать дыхание застывшей столицы. В те суровые годы подмосковный уголь горел почти во всех котельных московских заводов, двигая тысячи машин и станков, упрямые не желавшие останавливаться. Этот уголь согревал десятки тысяч замерзших домов в Москве, в Туле и Подольске. Его везли, как величайшую драгоценность, в ближайшие города. И тов. Рыков неоднократно отчитывался на пленумах Московского совета, как идет добыча в Подмосковном бассейне.

Действительно, вскройте поверхность любой земли в этом районе и вы увидите: под ним лежат красные строительные глины. Под красными глинами—десятиметровый пласт редких песков, нужных нам для строительного дела. Под песком—кианит, прекрасный материал для мosaичных облицовок улиц. Еще ниже—песчаного качества глина, годная

Есть также «расходные качества глины». Глина поддается для оgneупорных фасонных частей. И, наконец, в самом низу — каменный уголь.

Его запасы далеко еще не разведаны. О количестве подмосковного угля еще спорят, и придется затратить не один год, чтобы окончательно познакомиться с Подмосковным бассейном. Но во всяком случае ясно одно: около Москвы лежит никак не меньше 8 млрд. тонн угля.

бы не 5, а 50 лет непрерывно питать электрическую станцию, мощностью в 25 млн. киловатт. А это — мощность 40 соединенных воедино Днепростроев, или 700 млн. рабочих, которые могут послушно работать

из заводов, фабрик и железных дорог. Вот что узнали мы о пятилетии отечественной промышленности. Узнав же о таком блистательном, начали усиленно добывать его. Уже в 1928 г. мы в четырёх разах обогнали царскую Россию: в этом году мы добывали 1200 тыс. тонн московского угля в то время как в 1913 г. было добывшего лишь 300 тыс. тонн.

Дальше, по логике, мы еще больше разошлись в развитии. В 1930 г., когда мы вышли из-под Полтавской блокады, наладили мы 6 млн тонн угля — в 20 раз больше, чем добывалось царской Россией, и в 5 раз больше, чем добывалась

На этом-то московском угольном мусоре будет построен второй питомник электрической силы Москвы—Бобриковская станция.

Ее полная мощность—300 тыс. киловатт. К концу пятилетки она даст пока только половину ее. Но и это—почти ~~одна~~^{одна}: толь-ко 12 млн. рабочих ~~могут~~^{могут} построить ее!

С М Е Н А

Но и этого мало. На том же подмосковном угле уже работает Кашинская залежка стоянка, которая к концу пятилетки увеличит свою мощность с 12 тыс. киловатт до 284 тыс. киловатт. Резко повысит свою мощь две работающие уже городские московские станции, из которых одна питается нефтью, а другая—привозным донецким топливом.

Короче говоря, вся мощность станций Московской области увеличится с 250 тыс. киловатт до 800 тыс. киловатт. 30 новых электротехнических рабочих получит Москва. Питают все население Болгария, Болгария и Австралия на два, превратят всех стариков, женщин и детей в физически сильных мужчин, и вы получите ту армию электрических рабочих, которая будет помогать нам строить пятилетку Московской области.

СОТНИ НОВЫХ ЗАВОДОВ

Громадная электрическая армия Московской области не останется без дела. Прежде всего она будет брошена на металлические предприятия области.

Их в первую очередь омоложатся все телепечи, крупы, заводы и фабрики. Решено, что скотина сядет на оборудование металлической Среди Москвы, и всплывут и омоложаются «Красный Пролетарий» и «Борцы» и до неизвестности разовьются недавно построенный «Электрозвод». Десетки миллионов рублей будут брошены на их преобразование, но эти миллионы не пропадут: омоложенные заводы окажутся достаточно сильными, чтобы ноги в ногу ити с новыми, рожденными пятилеткой металлическими заводами. А их будет не мало.

Здесь вырастет младший брат нижегородского «Красного Гиганта»—«Велосипедный завод», рожденный с ним в один автоматических скопок. Он даст нам те вагонные склады, которые производят революцию на наших железнодорогах, дав возможность при том же количестве паровозов и вагонов возить большее количество грузов. И вот же, в Московской области—в Рязани—появится завод дорожных машин.

Так самые разнообразные требования транспорта, начиная от веселости и кончая склонностью к дорогам, будут полностью удовлетворены московской металлической промышленностью.

Москва окажется и крупным поставщиком нашей электрификации. Громадный турбостроительный завод, стоимостью в 60 млн. руб., даст «мускулы» советским электростанциям—мощные турбинные двигатели.

Металлическая Москва почти полностью возьмет на себя механизацию ряда ответственных отраслей советской промышленности. Прежде всего в Москве будут сооружены заводы текстильных машин и новый завод автомобильной конструкции, который позволит нам обособлиться от кабельной зависимости от Англии, послав на наши советские текстильные фабрики наши же советские текстильные машины.

Тут же рядом вырастет завод строительных машин, который введет машину в наше строительное дело, и завод обувных машин, который превратит кустаря-сапожника, гнувшего спину в своей грязной и тесной коморке, в механика, лишь управляющего рычагами машины, делающей сапоги.

В Раменске, Московской губернии, появится завод подземных сооружений, который возьмет на себя трудное и ответственное дело замены наружных мускулов грузника неутомимыми стальными мускулами подземного крана.

Но самое ответственное дело, которое принесет на себя металлическая Москва—это станкостроение: громадный завод должен будет выпускать станки и машины, которыми на соседних заводах в свою очередь будут изготавливать автомобильные колеса и

челюстные прессованные для плаунчиков размешек, которые позволят в широких размерах перенести приготовление текстильных красок самых различных цветов и оттенков. И, наконец, комбинат получит из угля горючий газ.

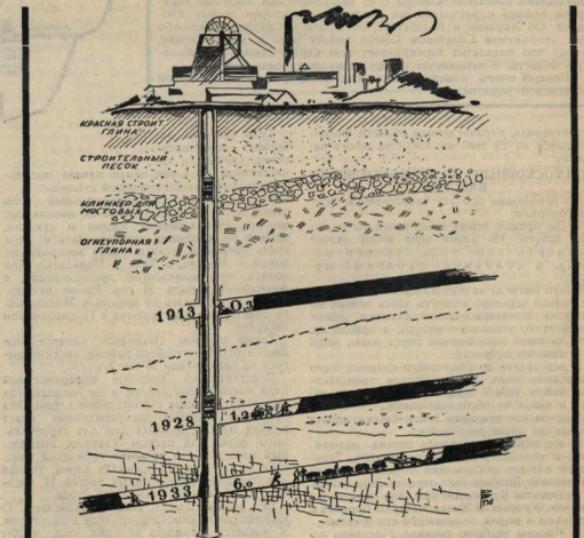
Громадный газопровод в 200 км. длиной направит каждый год миллиард куб. метров этого газа в Тулу, Серпухов, Подольск и Москву. Этот газ не только сослужит величайшему нашему разворачивающейся промышленности (он является прекрасным промышленным топливом), но и изменит быт наших городов. Потому что кто же не воспользуется таким газовым отоплением, дешевой газовой ванной и удобной, чистой газовой плитой?

Так широко и полно будет использован еще недавно бросовый, мусорный московский уголь.

Ясно, что все перечисленное—только основное из новых заводов, которые вырастут в Московской области. В этом перечне нет аллюминиевого завода и часовой фабрики, нет десятков цементных и кирпичных заводов и целого семейства текстильных фабрик. Здесь нет фасфатных мельниц, которых будут давать «Красный Багзатор» и «Красный Багзатор», программа которого переваливает за 20

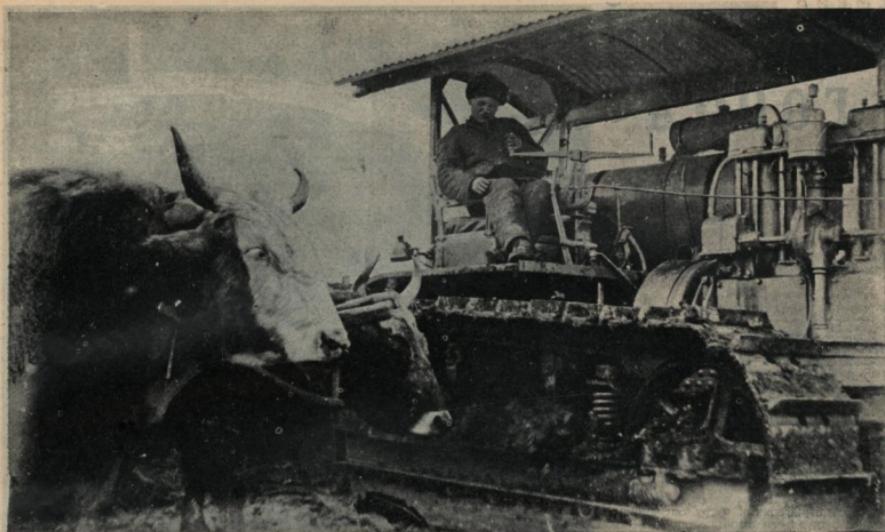
тысяч рублей. Но это не значит, что в этом перечне нет и не будет других заводов. Их будет много, параллельно с тем, как всплывают новые и новые заводы в других областях страны. Их будет много, параллельно с тем, как всплывают новые и новые заводы в других областях страны. Их будет много, параллельно с тем, как всплывают новые и новые заводы в других областях страны.

ПОДМОСКОВНЫЙ УГОЛЬНЫЙ БАССЕЙН

1. Московская область обещает четыре базы: губернии Московскую, Тульскую, Рязанскую и Тверскую.

Около Москвы лежит 8 млрд. тонн угля.

На поле...

Фот. Ф. Кислов.

КОСТРЫ В СТЕПИ

Е. Колесников

Их было в Солдатском восемьдесят комсомольцев. Разбившись на бригады, они ушли в степь. В селе осталось два-три комсомольца. Поворот, который совершила солдатовская ячейка, обняв себя колхозной, ознаменовался вступлением в комсомол новых тридцати батраков и бедняков. Они пришли в ячейку, как представители селы, и начали предстоящую работу.

Семь комсомольцев-трактористов гурьбой пришли с тракторных курсов.

В громадной механической мастерской колхоза стояли стальные большевистские кони. Ребята поглядывали на них. Скорей бы к коню!. Несколько тракторов еще должны были быть отремонтированы. Мастерская здыхала в спешке: недоставало рабочих. Семь трактористов-комсомольцев подошли к машинам и вспомнили рукава:

— Мы обявляем себя ударной бригадой по починке тракторов.

Семь трактористов с красными от бесконечной газации лицами лежали под тракторами, испытывая ими ключами, выстукивая молоточками и свинчивая части. В продолжение двадцати четырех часов пылали жаркие горны мастерской. Работы были беспрерывно круглые сутки. Иногда из-под трактора раздавалася складной храп. Из руки вились и, зевая, откатывались винтики.

— Эй, ты, там не дури! — кричал кто-нибудь.

Храп смокал. Сон подкрадывался и закрывал глаза мохнатой лапой. Ребята щипали лицо, чтобы не поддаться усталости. К вмезду в поле — в «Форд» и семь «Фиатов» — были привезены и бросали на солнце. За рулами сидели комсомольцы и молодежь. Взрослых трактористов было четыре. Комсомольцев посадили на самые потрепанные машины. Ребята поморщились; другие получили новенькие «Интернационалы».

Но на колхозном смотре перед выездом в поле семь комсомольцев-трактористов обя-

тили себя первой тракторной ударной бригадой. «Интернационалисты» были посланы ультиматумом: догнать их в работе. В этом ультиматуме было сходство и прямой намек на то, что, хотя «интернационалисты» и обладают лучшими тракторами, но им еще придется потягаться с энтузиазмом молодежи.

Прибыв вправление колхоза, запыхавшись от спешки, ударики размахивали перед удивленными лицами правлеца кулаками:

— Это чорт знает что такоё!. Безобразие!. Преступление!

Прицепные части для некоторых тракторов не были отремонтированы! Бригады, боясь, что им смотреть не сумеют всего этого, отступили к краю поля и склонились к земле. Они хотели обмануть смотревшую комиссию. Комсомольский газ ударной бригады проследил эту подаль хитрость. Комсомольцы-убийцы очень строго и резко информировали правление. Перебегая друг друга, ребята опровергали правлецов новыми и новые разоблачениями.

Уходили в степь тракторы. Через несколько дней из-под солнца урвались волны за спинами и комсомольская ячейка понесла замок на двери своей тесной комнаташки. Из стени приезжали бригадир. Они были всегда озабоченные и сердитые.

Они были не до конца всеми достижениями в колхозной степи. Секретарь комсомольской ячейки Егоров был во всем солидарен с ними. Его, как и бригадиров, волновали и радовали успехи вести в степях, но он кричал всегда одну и ту же фразу:

— Понимаете, это мало. Плохо работаете. Комсомольские и молодежные ударные упражнения по вспашке преувеличили всякие производственные планы. Планы выполнялись на 3-4 дня раньше положенного срока.

Ударная бригада комсомольцев-трактористов работала все 24 часа, уделяя безобразно мало времени на отдых. Лица трактористов

почернели, как вспаханная ими земля. Тракторы кружили вокруг села, наполняя воздух гудом. Но начали волны глаза тракторных фонарей то приближались к селу, то мерцали где-то далеко в степи. Семь тракторов захватили квадрат в несколько сотен гектаров земли и разрезали ее лемехами булерей. Комсомольцы имели право посыпать свой участок земли известью, а трактористы — из коровьим отходами. Задор комсомольцев переворвал их и заставлял напрягать мускулатуру и уплотнять землю. В разгар работ приехали две комсомольско-трактористки, окончившие районные курсы. Они оживили «бесстартовую» колонну.

Наступили тревожные дни для комсомольцев. «Интернационалисты» переняли их же методы и повели решительное наступление на землю.

Бой на полях взбудоражил все солдатское население. По ночам люди выходили на улицы. Они с напряженiem следили за тем, как из других сел прибываются тракторные колонны. В эти дни комсомольская ячейка села Солдатского дерзко экзаменуя право заявлять комсомольскую ячейку крупнейшего на Тереке колхоза «Боец». Дыхание proletарских районов города чувствовалось во всех этих работах. В селе рождались комсомольские цехи.

Несколько ударных бригад организовали показательный цех конюхов. Их лошади, здоровые и блестящие от чистоты, восхищали сельчан.

Цех пахарей вспахивал в землю острыми лопатами и плугами. Их лица поблескивали на солнце, джаклы мягки, как взбитая пуховая насыпь. Тысячи меж, никому не нужных пролесочных дорог и троп потонули в море пыли.

В темные безлунные ночи горят кострами ожившая степь. Просуженным голосом читает комсомолец собирающийся у костра бригаде газету.

ЗЕЛЕНИЙ ГОРОД

Очерк А. Драгач

«ДАЧА—ТАК ДАЧА!»

Идейное существование Зеленого города началось в январе 1929 г., когда в «Правде» появился фельетон Михаила Кольцова — восхитившая дань бескрайнему великолепию полей, лугов и лесных массивов.

«Дача—так дача!—Вот под каким лозунгом развернулись споры о Зеленом городе, споры, предшествовавшие здравой групповой горячности, когда в первые годы сейчас подтверждены в сон прошел. Художники глядя на газету смеялись бодрщиной суполовкой. Первый и наиболее музественный всплеск—тутой телефонный провод, недавно пропитанный из Москвы в Братищево, доносит от периферии к цетру оперативные способы с трудового фронта:

«Ведем интенсивные заготовки круглого леса...»

«В районе Сергиевского ряка начались усиленные лесные заготовки...»

«Разведка по изысканию рудников-каменных на территории Зеленого города и в близлежащих районах дает положительные результаты... В ряде мест приступлено к заготовке граничного камня, песка и глины...»

Гудят провода. Призываются ухо к свежескошенному стволу и спящине, как наливается кровью зеленогородские артерии.

Сейчас уже прокладываются пути, звонят телефоны, выкорчевываются пни, пылают бревна, возводятся леса. Идет праздничное, жизнеутверждающее строительство первого мира социалистического Зеленого города. Город этот, только начавший строиться, в массах людей, в массах, имеет уже свою историю, к ней относятся пыльные джексоны принципиального свойства.

Быть или не быть подмосковной здравницей? К этому предыдущему этапу следует возвращаться, потому, что он сыграл свою роль и способствовал уточнению многих попутных деталей.

«Дача—так дача!—принесла «Правда» много проклятий по всей московской почте. Пожалуй, наиболее веским доводом за то, что Зеленый город необходим, и наиболее существенным следствием того, что организация отдыха и переустройства базы жизни и сложной проблемы, является живой отклик масс и чеки рецензии, который вызвал в массах излен созидания Зеленого города.

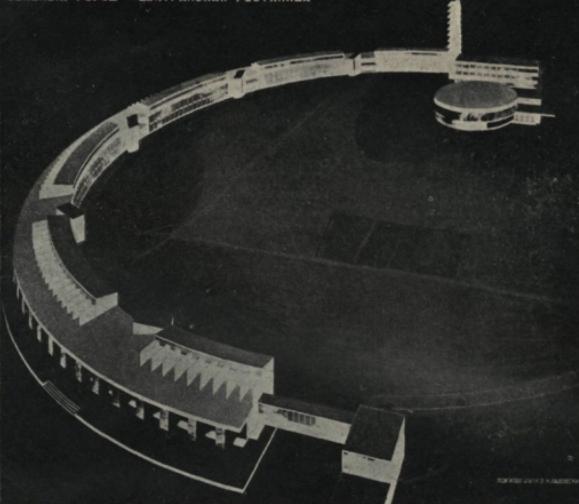
Свыше 500 статей, обзоров, подборок, анкет и заметок посыпаны прессой Зеленому городу.

ЦК и облатоды союзов, военные учреждения, фабрики и заводы Москвы включили в круг своей повседневной общественной работы строительство подмосковной адравии.

В расположении ЧК постановлены, в прорезях собранный и гальванически замкнутый краеугольный материал, а также краеугольная обойба, потому что он дел хра- угольным камнем в фундамент каждого из зданий, возицаемых на территории Еравиницы—Спасская—Софрино.

Кто против?—спрашиваем мы, обращаюсь к прошлому, и видим над морем голов и лиц одну, две влюпахах поднятых руки.

ЗЕЛЕНЫЙ ГОРОД ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОСТИНИЦА

Проект центральной гостиницы. — Н. Ландовский.

Тов. Сабсович в статье, помещенной в «Вечерней Москве» в порядке обсуждения, пытался противопоставить Зеленому

городу социалистические города промышленного типа: Магнитогорск, Сормов, Автоград. Основным доводом, заставившим тов. Сабсовича поднять руку против, были финансовые соображения. Как, мол, мы можем тратить деньги на такую «бутылку затеку? Стоит ли думать о старой, нескладной Москве, пусть она доживает свой век, а новый был бы будем наливаживать в новых социалистических промышленных городах?

Свежескошенному городу, газетчики заявляют тов. Сабсовича в непрощаемом дебре, и все его дальнейшие высказывания свелись к сплошному «Да здравствует, дойдёт!»

Электрические угощи, облегчающие труд женинцы-рабочиты в переходном период от старого к новому быту—праздное дело.

Автомобилизация—взор. Задача—предоставить возможность работе отдохнуть в хорошей обстановке, в привычных для него климатических условиях, Зеленый город, являющийся социалистической пограничной, социалистическим дополнением к Москве и рабочим реконструкциям быта—«бутылка», чуть ли не баркас затек.

Статья тов. Сабсовича в «Вечерней Москве» и ряд его случайных высказываний в других статьях и по другому поводу встретили дружный отпор московской прессы.

«Труд», «Известия», «Комсомольская Правда», «Рабочая Москва», «Московский Комсомол» и та же «Вечерняя Москва» дали исчерпывающий анализ этого высказывания.

Одни из основных организационных принципов Зеленого города—аккумуляция, установка производственных организаций, предназначающихся для строительства домов отдыха, санаторий и т. д., строение приступить эти средства по одному руслу, обединить строительство в одной географической точке—все это упомянуто т. Сабсовичем. Он довел стоимость Зеленого города до 2 млрд. (?) и смел его территорию к нескольким километрам. Не даром все

приведенные им цифры были охарактеризованы прессой, как взятые с потолка.

ДЕТЕЙ НЕ ЗАБЫТЬ!

Надежда Константиновна Крупская в статье «Зеленый город и задачи отдыха рабочих» основное внимание уделяет детскому сектору Зеленого города. На ряде характернейших примеров, на множестве неутешительных и упрямых фактов тов. Крупская строит прямолинейные выводы.

Дети не отходят от московских организаций, не отходят в усадьбы и бороды, условиях и зачастую целиком отданы влиянию двора и улицы. Экскурсии организованы из рук вон плохо. Вокруг о детских отдыхах и быте, который тесно переплетается с отды-хами женщинами-работницами, должен быть кардинально разрешен в Зеленом городе—вот

чему сводится краткое эта визави-мистическое отрывок из статьи.

Пригороды, разделенные советскими и приватными организациями, то есть же после высту-пления тов. Крупской образуются в биро-управлении тов. Зеленого города с: заявками на строительство детдомов, лагерей, детских го-стиниц. Проспектский районет намерен по-строить в Зеленом городе детский городок на 2000 детей.

Таким образом, сейчас уже ясно, что детский городок, здравница и т. д.—все это одно из основных мест. Система физкультурных Зеленого города сложится к рациональному/использованию профсоюзных и обществен-ских средств и дает в значительной мере

возможность разрешить кризис, наблюдав-шийся у нас в области обслуживания исфор-ганизованного детства.

Вместо неусовершенствованных дач для детей, которые содержатся некоторыми орга-низационами края год, а используются только в летний период, на территории Зеленого города сложится целый комплекс образовательных са-наторий, детские гостиницы, дома отдыха, и лесные школы.

Рабочие и работницы, приезжающие с своей семьей в Зеленый город, будут изба-влены от ухода за ребятами и повседневных хлопот. Дети в зависимости от возраста и состояния своего здоровья размещаются

в своих домах отдыха, гостиницах, санаториях и т. д., оторвавшись от родителей, в настоящий в равной степени обеспечивающий взаимный отдых и общение.

Работница, помимо зарядки бодроты и здоровья, должна получить в Зеленом городе ряд практических указаний об уходе за ребенком, о том, как и в обычных московских условиях в течение четырех трудовых дней отградить его от бытовых незадог и вспышек улицы.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ КОМСОМОЛЬСКОМУ КВАРТАЛУ

Менее остро и обостренно стоит вопрос о молодежи в Зеленом городе. «Комсомольская Правда» выдвинула предложение о создании особого молодежного квартала в Зеленом городе. Однако, несмотря на то что в основе формирования этого вопроса лежат левые сочинения на фабриках и заводах это предложение, вившееся в систему района наравне с Зеленого города неправильный возрастной принцип, было отклонено. Внутри каждого из районов Зеленого города (отличающихся один от другого характером отдыха) могут быть предусмотрены специальные зоны и жилые комплексы для молодежи. Но молодежь не должна быть обособлена от остального населения и должна принимать активное участие во всех областях зеленогорской жизни, являясь наиболее активным и энергичным проводником социалистических начин в подмосковной зарядии.

Комсомольские организации живо отклинулись на идею создания социалистического города отдыха, они стали проводниками и застрашителями этой идеи среди рабочих масс Москвы и крестьянского населения Зеленого города.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ

Давайте организуем сейчас экскурсию читателей «Смены» на выставку Зеленого города. Она помещается в центре Москвы, в десятиэтажном доме «Моссовета на Гнесиновском пер., № 10. В наибольшем зале на стенах, выкрашенных в светло-зеленый цвет, на зеленых стойках размещены и расставлены схемы архитектурных проектов Зеленого города. Против самого входа в высокую колонну стоит огромная выпуклая карта, показывающая рельеф местности. Участок, предназначенный для Зеленого города, расположжен по обе стороны магистральной линии Северных ж. д. Москва—Ярославль, при чем по левую от Москвы расположены две трети всей территории. Основу ее составляет квартал для рабочего населения. Спокойный рельеф местности позволяет планировщикам с максимальной свободой комбинировать расположение отдельных районов и строений.

Архитектор Гинзбург, верный последователю теории, предсказывающей близкую гибель большим городам, пользуется идеей Зеленого города для воплощения в жизнь своих социалистических начинаний. Он вращает Зеленый город в центр расселения Москвы, и в проекте архитектора Гинзбурга социалистическая здравница теряет свои основные признаки, превращаясь в своеобразный город промышленного типа. Усложненный от основной задачи, архитектор Гинзбург создает, однако, образцовый по своей внутренней организации город. Его сеть из пятидесяти пяти районов, централизованного потребления в Зеленом городе. Мощная фабрика-кухня будет изготавливать полуфабрикаты, которые затем будут монтироваться на месте потребления — в столовых. Представив схему организации жизни внутри города, архитектор предлагает стационарную типовую жилую ячейку, состоящую из двух этажей, с лестницами, с двумя сторонами подножки на санях-жиллица. Ячейки эти встраиваются у него вдоль линии железных дорог сплошной нескончаемой лентой. Это обстоятельство вызывает

ряд осложнений в отношении водопровода, канализации и т. д., но архитектор предлагает использовать Гинзбургом запатентованые щиты, такого рода здание не является бесполезным в пожарном отношении.

Архитектор Мельников считает, что основным свойством Зеленого города является его ни с чем не сравнимая оригинальность. Архитектор Мельников без предварительной проработки и достаточных научных данных выдвигает идею лесного спирала. Спираль, говорят открыто, спираль.

Спираль, говорят открыто, спираль.

Архитектор Мельников и выдвигает пять основных цехов: химический, психиатрический, физический, термический и механический. Человека, приехавшего на отдых, автор этого проекта пытается подвергнуть всяческим наркотическим, во всяком случае, искусственным воздействиям. Ни нужна есть больше болезнью спасительной силы, чем эта спираль, это предложение. Но Мельников уверен в своей правоте и строит казарменного образца спираль, к которой пристраивает специальные шумовые раковины. Эти раковины должны деформировать неприятные звуки (храп и сопение), превращая их в благозвучный шелест листьев и шум ветра. По какому принципу будут построены эти раковины, автор проекта не говорит.

Жилая ячейка Мельникова построена в трех плоскостях. Каждый отыкающийся имеет свою комнату, каждая комната имеет три этажа, каждый этаж выполняет функцию либо столовой, либо гостиной, либо спальни.

Генеральная планировка Мельникова создается главным образом в колцевой манере, что неизбежно приведет к разрыву Зеленого города. Такая система дорожного движения удорожает строительство и препятствует дальнейшему развитию отдельных районов и города в целом.

Архитектор Фридман представляет весьма схематичную планировку Зеленого города, поэтому следует остановиться только на чертежах и макетах, предложенных им. Это здание, которое он называет феерией по своей конструкции, представляет собой пульманский вагон и хорошо освещаемую лестницу. Конструкция ячейки дает возможность архитектору комбинировать различные типы здания — змееподобные, zigzagобразные и т. д. Не лишний интерес проект районной гостиницы, в котором отсутствует лестничная клетка. Эта гостиница представлена, скажем, как бы наслонение трех этажей, в которых коридоры стоят одна на сама себе, фланкируя лестницу. В жилой комнате районной гостиницы место, которое автор склонил на лестнице, используется как кровать.

Наиболее целый, продуманный и интересный проект представил архитектор Ладовский. В своем генеральном плане он проводит вдоль всей территории Зеленого города единую магистраль, от которой отходят боковые магистрали, связывающие различные районы города. Эта система планировки признала жюри наиболее целесообразной и взята за основу строительства.

Проектуя вокзал — курзал Зеленого города, архитектор Ладовский между путями у вокзала разводит цветники для того, чтобы приезжающие в Зеленый город сразу попадали в яркую полосу цветов и зелени. Над мостом, возведенным над путями, Ладовский предпринял осторожную попытку. Обслуживающий здание — спиральное здание, кассы и т. д., где обычно люди толкаются в очередях — запроектирован Ладовским в сторону от курзала. На уровне моста Ладовский предлагает устроить пандус в виде восьмерки для массовых шествий и автомобильных прогулок.

Весьма эффективны в архитектурном смысле предложенные Ладовским строения первых социальных центральных районов гостиницы. Подавляющее большинство жюри предлагает расположить группами строения легкого типа. Это зательные, конусообразные домики, крытые специальным обработанной соломой, прекрасно освещаемые, снабжен-

ными плавающими кровлями, вымытыми водопроводом, состоящие из трех комнат: зал, ванную и двух изверх. Окно в виде большого стеклянного треугольника выходит на подкурганный балкон, подчеркивающий все своеобразие этой удобной для жилья «безделишки».

Для строений второй очереди Ладовский предлагает интересное изобретение. В железнодорожный каркас — многоэтажный, однотипный, с теми же узлами — вставляются жилые ячейки в виде кабин, изготовленные на заводе ракетных заводов. Соответствующие места каркаса предназначены для легких газет.

Приняв за основу генеральный план архитектора Ладовского, жюри предлагает для опыта построить в течение трех лет дома различного типа, но проектам всех архитекторов.

Жюри считает необходимым привлечь к строительству Зеленого города молодых социалистических архитекторов и передовых представителей западной архитектурной мысли. Строятся Зеленый город.

Мы должны в кратчайший срок осуществить строительство показательного социалистического города отдыха. Мы должны сделать его образцом, потому что вслед за Москвой начинают строить свои Зеленые города ряд промышленных центров: Нижний Новгород, Харьков, Баку и др. Мы должны продолжать обсуждение и дальнейшие вопросы. Мы должны встать в строительство Зеленого города многотысячные массы рабочей молодежи. Мы должны пройти шестидесятичесмье крестьянское население зеленогорской территории для создания сети колхозов и совхозов для снабжения Зеленого города сельскохозяйственными продуктами и потребления. Зеленый город имеет сейчас свою газету. Через нее должна рабочая молодежь и коммунисты Москвы вызвать к жизни все, что есть трудодоспособного в районе Братовщина — Спасская — Софию; в газете «Зеленый Город» должны найти свое отражение отклики пролетарской общественности, здесь должны освещаться условия труда и быта сотен рабочих-строителей, занятых строейкой первого в мире социалистического города отдыха.

«Балшина ячейка».

АМЕРИКАНСКАЯ КАША

А. Пантелейев

Сладкая школоладная каша, которой в тяжелые годы кармии наших голодающих ребят американские филантропы, конечно, очень впускают. Но рука подающая паренька осмеливается перечеркнуть портрет «хорошего человека» Гувера, даровавшего ему эту кашу: паренек увидел в порту, как американский офицер избил матроса-негра. Один из авторов «Шкид» тов. А. ПАНТЕЛЕЕВ яро рассказывает об этой вспышке классового сознания среди граждан знаменитой «шикской республики».

Мы ели мясной суп, от которого пахло мочалкой и рыбой. Пищевая каша терзала нас своим однообразием и обилием мелких камней, которые скрип, как дьявольская проправа, и вновь преследовали нас своим стонотворным запахом.

Наши рубахи были в запатах. Наша боязь ноги были в ссадинах и рубахах. Наши классы были похожи на образованные ледники, где хранятся жирные окорока и томаты. И мы писали в грязных тетрадях каракашами, которые назывались «советскими», потому что рвали бумагу и ломались на типографских запахах.

Наши мыши были счастливы. И несмотря на голод, холод и грязь, мы в своей шкодской республике горели тем же огнем, которым горела тогда вся наша родина. Свежий воздух революции заменил нам хислород, калории и витамины. Мы никогда не хныкали, предпочитая высмеивать свою голову в газетах фельетонистов, устраивали конкурсы на самую грязную желудок, а в крайности воровали картошку, свежие огурцы у покровских губанов.

Теперь мне думается, что это был подвиг. Тогда казалось иначе.

Но как бы то ни было, наше подвигничество было однажды нарушено.

Однажды во время ужина в нашу столовую вошел Винкникор с сопровождением четырех офицеров из американского военного района, сразу узнали иностранца. Он был в роговых очках и в мягком суконном костюме. Через плечо у него висела походная сумка из жесткой кожи. В руках он держал шляпу.

— Встать! — скомандовал Винкникор, и мы, поднявшись над длинными черными столами, построились на жестяную сумку.

— Ребята, — сказал Винкникор. — Вот гражданин Греф, представитель американского общества АРА, которое помогает голодающим русским детям. Он хочет сказать вам несколько слов...

Мы выпрямили спины, а пищевая каша стала в металлических мисках перед каждым из нас.

Гражданин Греф, улыбнувшись, сказал:

— Господин Адмирал, — обратился гудь соображать свой небольшой лепет, — приносить вам немного кушать и немного костюм. Вы получайтесь свой часть в наша комитет. Вы будете приходить питьяться в наша пункт... ежедневно... птицадать человек. Ваш птичник... мистер... мистер...

— Соркин... — подставляя Винкникор, а мы, ничего не понимая, продолжали смотреть на кожаную сумку до тех пор, пока она не исчезла из наших глаз. Тогда мы сели и стали доевать пищевую кашу с камнями.

А через несколько дней мы узнали другую кашу. В ней не было мелких камней, но горькие камни подачки мерещатся мне, когда я вспоминаю ее.

Она пришла к нам в хороших ботинках на толстой подошве. Ботинки были похожи на

бутылки, и желтая кожа тупых носков напомнила нам сумку мистера Грея.

Ботинки было птицадать пар, на наше четырнадцать человек. Каждый пар при легжке их была драка: изглаг Громоносцев разబрь морду жалому Воробью.

Потом привезли птицадать костюмов: блузы с туникою системой карманов и брюки из чортовой кожи. Те, кто остался бос, награждались карманами. Остальные делили брюки.

Наконец, облаченные в пеструю смесь велюров, хлопка и шелка, мы отправились прополоскать американскую кашу.

Это было вечером.

На школьном дворе мы построились в ряды, и пока нас считали и пересчитывали, мы дружно рвались вперед, как будто былья весна и мы играли в горелки.

Мы были колпаками землю и поднимали кверху, как бубны и факелы, наши металлические кашевые миски, и дождем.

По лужам и узлам мы ползли на Курляндскую, к дому, где раньше была гимназия. Теперь гимназия не было, мостовая теплая темного дома была расплата, как яровое поле, и наискось ее пересекла поваленный фонарь.

У теплого подъезда мы с жаждностью прошли:

— Утеплого подъезда мы с жаждностью прошли:

</

лись ужинать. Они шли по лужам и улицам, подивив, как мечи и щиты, деревянные ложки и миски, а мы с отвращением или скучно шкодское варево: пшеничную кашу с каминами.

Лишь на четвёртый день мы снова попали туда. И снова мы обожгались экзотической жратвой; теперь же — горячей манской каши с кашем и балами булками.

— Маленькие круглые хлебцы! Сколько их в те далекие времена я съел! И сколько проиграл! И сколько задолжал ростовщику Слоенову!..

Мне кажется теперь, что в этих американских яствах был заложен микрок страны, которая нам посыпала их, потому что никогда до этого не было в Шкоде такой оживленной торговли и не было биржевой и карточной игры в верхней и нижней уборных.

Шоколадная каша, проплыла через кордон хамской слежки, попадала в Шкод и становилась самой драгоценнейшей нашей ваты.

Целую осень и зиму мы поклонялись ей, и целиком осень и зиму господин Губер улыбался, как хороший человек.

А потом наступило лето. Оно обогнано весну, и первые дни июня были зноны и пахали потеющим лаком, камнем и пылью лабазов.

В знобные эти дни мы ходили купаться на Канонерский остров.

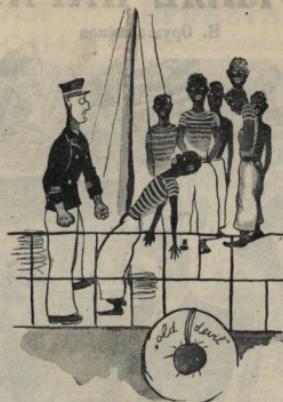
Мы купались однажды до вечера, а вечером возвращались домой через порт. Переход на лодке каниквы мы делали по центру порта, переборкой под розовым куполом финского неба, мимо грузовых подъемных кранов, мимо пакгаузов и величественных элеваторов. Огромные корабли, прибывающие из теплых и холодных стран, из Африки и Скандинавии, сопирали высотой своих мачт и яркостью своих флагов.

Мы шли голодные и собирали окурки: среди них нередко попадались нам с золотыми мундштуками душистые чайники египетского происхождения. Мы не интересовались другим, мы уже привыкли к запаху порта и к суполок его жителей, похожих на жизнь большими головами.

Тогда я видел пароход — огромный оканский транспорт — показался нам интересным. На его флаге было 47 звезд, мы сосчитали их и спросили у Винкникора, что значит «Old Devil», как было написано на борту парохода.

Винкникор, усмехнувшись, ответил, что это значит «Старый Чорт», и тогда мы заметили негров, которые стояли на баке. Они смотрели на нас сверху вниз, курили и улыбались, и белые зубы их блестели, как фортепианные клавиши.

— Арапы! — крикнул им кто-то из нас, и самый высокий негр снял свой белый кол-

Тяжелая рука опрокинула негра.

нак и помахал им над черной караулевой головой.

Другой, коротышка, оселаяя обильем зубов, стал кричать нам что-то; мы не поняли слов неизвестного языка и, по обычью нашему, стали хором кричать:

— Камраден! — кричали мы. Камраден! Битте... Гебен эй, пожалуйста, эйн сигарет. Камраден...

Негры, горделиво хохотали; они принесли, наверное, немецкие слова за какуюнибудь очень смешную русскую притчуку, оторвавши им смысли прибаутки, и мы отвечали им смехом.

У финское небо от недвижности заходило, и серая дымка покрыла его, и тут негр-коротышка, который кричал нам забавные слова, полез на рен, Он полез на рен, обрамляя палубу, и с ужиками балерины, наломанные страуса и обезьяны, стал танцевать смешной невероятный танец. Он поднялся и подпрыгнул, ходил туда и обратно, вертелся и растягивал, как юбку, широкие свои штаны, что-то дел такое же смешное и невероятное.

Другие негров на баке было шесть или семь, и они плясали на баке, скосях захоздев, опускалось все ниже и ниже, и вот где-то близко на палубе хлопнула стеклянная дверь.

Негры испуганно вздрогнули.

А коротышка продолжал плясать. На палубу вышел офицер. Он вышел спокойно, он был в золотистых штанах и в синей фуражке с золотыми звездами.

А коротышка все прыгал.

Тот офицер закричал, он закричал на том же языке, которым говорили негры, но этот язык стал вдруг неприятным и страшным. Он кричал и с каждым словом как будто выплевывал что-то большое и круглое.

Негры вздохнули. Тогда коротышка забалансировал, подпрыгнул и скосился вин.

Мы не успели уйти. Тяжелая рука опрокинула человека в звездной фуражке опрокинула негра. Он смачно умочил губами и упал лицом.

Шесть негров на цыпочках обошли капи-

тана, они хотели юркнуть куда-то в какой-то люк, но он заметил их и стал кричать, выплевывая, как фокусник, яблочки и билдиардные шары.

А негр, который упал, поднялся, и тут мы увидели красное расплывающееся пятно на его белых, необычайных, как юбка, брюках.

Мы тихо вернулись домой и безмолвно разделились. Мы разошлись по классам, но не успели закуруть душистые наши египетские окурки, как пришел Алинников, воспитатель, и сказал, чтобы мы собирались на «американку».

Желудки наши тошнили скрипели и волнились, когда мы шли на Кузнечную, к дому Алинникова, где меж тем сидел старый фонарь и мостовая все еще не зацветла душистым и пышным золотом птицы.

Мы прошли голубым коридором в столовую.

Там были раскрыты окна, и звездные фильтры висели под потолок, и ангелы, как всегда, блуждали в облаках пара с тяжелыми мисками каши.

Мы сели на наше обычное место под зонтик «полощущий зубы» и, когда мы садились, над нашими бритыми головами на белоснежной бумаге улыбался господин Губер.

Он как бы предчувствовал, что выбьется в президенты.

Он не предчувствовал того, что случилось минутой позже.

Минутой позже раздался отчаянный крик. Мы только что отдали наши миски ангелу в белом халате и мы истекали славой и нетерпением, когда раздался этот нечеловеческий вопль над нашими головами.

Перед нашим столом стояла начальница пункта. Седая, как лунтик на крыше, она, как статуя свободы в Нью-Йорке, протягивала свою белую руку по направлению к стеклу. Ее глаза были полны ужаса. Мы обернулись.

Господин Губер покропил умыбальце. Но он умыбался из кляксти, он был перекрнут крест-накрест химическим карападом, а на величевые его полях тем же химическим огрызком было начертано:

«Old Devil».

Мы не знали тогда, кто это сделал, но мы радостно, как оди, поднимались со своих мест, когда седая начальница пункта, задыхнувшись, крикнула:

— Всё кончено!

Мы все скосились на улицу, забыв свои миски и свой голов.

За эту историю нас навсегда лишили американской каши, нас колхозно посыпали в пятый разряд и целых два месяца мы сидели без отпуска и прогулок.

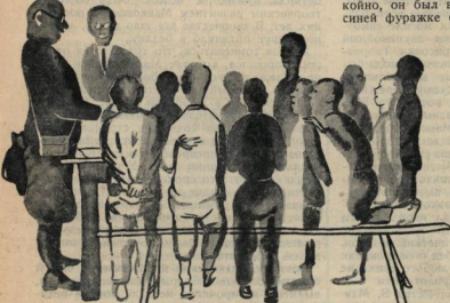
Мы снова хлебали горячий мясной суп, от которого пахло треской и селедкой. И снова мы ели пшеничную кашу с хорошими креками кашинами.

Когда в середине лета мы были амнистированы и в первый раз отправились на Канонерский остров, «Старого Чорта» уже не было в порту.

На памятном месте против белого элеватора колхозился небольшой селедочный трамп с флагом, на котором не было ни одной звезды.

ОГЛАШЕНИЯ

1. Винкникор — авт. николай Ник. Соркин.
2. Капитан — воспитательница III отделения.
3. «Халдея» — прозвание воспитательницы.
4. Канонерский остров — отделяет морской канал торгового порта от Финского залива.
5. В район — власная мера пакетации в Шкоде.

Он был в роговых очках и матовом суконном kostюме.

НЕУМЕСТНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Н. Оружейников

Петлю, затянувшуюся на щеке певца «бре-венчайтой Руси» Есенина, и выстрел, обра-вивший творческое развитие «агитатора-гордона, главаря В. Маяковского, не-которые пытаются привести к одному знаменанию.

Внешнее сходство тут, разумеется, налило. Каждый акт самоубийства является выражением какого-то психической катастрофы, какого-то надлома, ставившего в сознание с обычных рельсов.

Но этим внешним, очень общим сходством и исчерпываются все параллели, которые можно было бы усмотреть между двумя этими сморщенными либо слишком размытыми жизнями.

У Есенина, собственно говоря, никакого разрыва между самоубийством и творчеством не было. Творческое его развитие шло по линии осуждения бодрости, жизнеутверждающих мотивов. Начав с волнистого своей непосредственностью воспевания природы, любовь, стихийных проявленияй жизни, он перешел к Миронову, к «засыпанию», замечернутым со столичного «эзма», а кончая мрачными поэтическими панхизами над собой. Мотив самоубийства повторился в его стихах неоднократно, но, несмотря на отдельные порывы в сторону советской тематики, именно последняя глава есенинского творчества особенно запечатлена сознанием беспросветности, собственной обреченности, тупика. Есенин, конечно, сам не знал, почему в родном краю. Ему минутами хочется, «задрав штаны», догонять комсомол, но это редкие минуты, «благие порывы», свершить которые ему не дано.

Крестьянский в своих истоках творчества Есенин, попав на городскую почву, не расширил своей социальной классовой базы, ибо город, пролетарский, город, живущий в своем социальном и политическом жилье, был заоценен для поэта кружковой ботвой, барабанами вздыханий.

Попробуйте приложить подобную схему к творчеству Маяковского!

Творческий путь этого поэта был противоположен. Он начал с футизма, являюще-гося своеобразным выражением протesta против чистого, добродородочного буржуазного искусства. История открытия футизма Маяковского, обранившись лицом к городу, силящись передать его темпы, был уже и тогда отличен от «засыпки» Крученых, Бурлюка и др. поэтов напанявших на себя желтуху кофты футуризма, в первую очередь, во имя литературного скандала.

В. Маяковский, принесящий в литературу после активной работы в подполье, стреми-лся к тому, чтобы не только выразить, но и обратить не только против застывших стилей, литературных коников «общественного скуча», Он в своем дрреволюционном творчестве делает первые шаги к превращению поэзии из «слуганки муз» в оружие класса. Поэма «Облако в штанах», искромсанный царской цензурой, содержит в себе и поразительные по силе революционные проповеди и желчные обличения религии. В поэме даже обычные образы природы революционизированы:

Думаете, это южные ивицентко,
Трещет по щекам кафе,
Это опять рассстрелять матиженков
Григорий генерал Галифе...

Во дальнейшее развитие творчества В. Маяковского идет по восходящей линии — через обостренный шовинизм поэму «Война и мир» к блестящим песням в честь Октябрьской революции.

Маяковский знает, конечно, и отдельные торические проповеди. Поэма «150 000 000», несмотря на отдельные великолепные строфы, оказалась бессыльной отразить диалектику пролетарской революции. Некоторые стихи его пересекут схематичны. Это, бесспорно, не проста недальновидность, а «издергки», понесенные В. Маяковским в поисках своего стиля на службе у пролетариата. Поэтому приходилось многое перековывать, «на-

В. В. Маяковский на выставке его творчества в Красно-Пресненском районе.

стучать на горло своей песни», — путь от индивидуалистического протеста эпохи футуризма до поэмы «Хорошо» не мог быть гладким, как гудронированное шоссе.

Но ни разу у Маяковского мы не найдем пессимизма, упадка веры в свою силу, в право своего пути. Нельзя в переволнованном состоянии видеть в Маяковского наивысший пик поэтических способностей, когда он писал стихи, которые можно было бы поставить рядом с любым проникнутым грустью отрывком из Есенина.

Оттого В. Маяковский был вправе обратиться с такой резкой отповедью всем пла-кальщикам Есенина, когда к могиле самоубийцы стали тащить «стихов заупокойный дым». Тут не было никаких рисовки. Творчество В. Маяковского было неизменно ярким, органически чуждо тому мучительному переживанию всех личных передряг, которые у Есенина делали стихи своеобразным рифмованым дневником. Стихи В. Маяковского стояли дневником общественной жизни, дневником класса, которому он отдал свое творчество. Любое политическое событие, от гигантской революции до мелкого политического события, вызывало у Маяковского неизменную проповедь в Тифлисе, вызывало быструю поэтическую отклики Маяковского. Маяковский при этом не считал необходимым прихорашиваться, переводить политические лозунги на условный поэтический жаргон. Он агитировал обнаженно, без огорожек, так что политическая суть его любого стиха не может быть подвергнута критико-тактике.

Заключительная глава творчества В. Маяковского отнюдь не схожа с каким бы то ни было тупиком. Пoэт вплотную подошел к театру, к самой массовой аудитории, своими

Смерть. В. Маяковского находила в полном разгаре в ее творчестве. Иначе, как иначе иным провалом сознания, ее неальная обреченностю. Но в самом отступлении перед «ордами бытия» сковало то, что Маяковский — блестящий педагогический поэт революции — вличной жизни не сумел полностью порвать со своим индивидуалистическим прошлым. Он не сумел приправить самородство Маяковского к выходу из жизни «своего рода» — упадочников, мы не можем не видеть в поступке поэта ничем не оправдываемого, преступного «драмтизма с революционного поэта. И в этом же лишился раз подтверждения, что и вождь поэзии, искренно стремящийся «зажечь душу рабочего класса», в «ночью, без остатка связать всю свою жизнь с рабочими классом, не оставляя» них никакой дали для материально и пошлого старого быта.

Для и наиболее полного пребывания поэта в своем роде, для его «всегда вперед» требовалось, чтобы писатель и поэты песни «связывали свою жизнь и работу с рабочим классом, который они привозят служить. Ибо только в этом они будут способны чистить ножные им силы и знесно для творческой работы на революцию».

пьесами «Клон», «Баня», своей пантомимой «Москва горит», прокладывая никем еще нехоженные дороги. Поэт вошел в РАПИ и, своей новой поэмой, с исключительной силой декларировал поэтические принципы, на склоне пропроиззывающие его творчество.

Поэтому в такой же степени, как закономерным исходом казалась смерть Есенина, так неожиданным, неоправданым, неизвестным осталось перед нами самоубийство Маяковского.

Этот внезапный скандал к индивидуалистическим колебаниям, этот вспыхнувший, как пептарда, кризис не может быть объяснен творческим развитием Маяковского последних лет. В творчестве все шло вверх, аничного будущего потянуло в бездну.

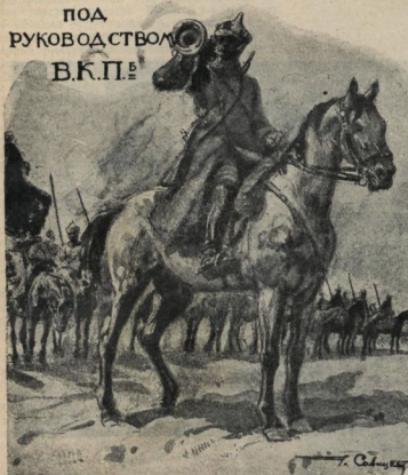
Нельзя сомневаться, что ту же сиюминутную проповедь Маяковского продолжал волочить за собой. Прежний Маяковский, который мог достичь предельной напряженности в любовной лирике, который в той же замечательной поэзии «Облако в штанах» посыпал прячущие стrophы терзания любви, был склонен к преувеличению, к возведению в пропоскодную степень мельчайших переживаниях своих. У того Маяковского, обладавшего способностью влюбленности в первую заряду потому, что «авантюристская лодка разбилась о рифы бытия». Неследовательность самоубийства Маяковского — это, очевидно, в первую очередь отражение трещин в быту, который не последвал за творчеством.

Поэтому Маяковский продолжает в нашей памяти оставаться бодрым, жизнерадостным, выплытым из прочного металла поэтом революции, а весь заключительный эпизод повествования о его жизни мерещится досадной, бессмысленной опечаткой.

ПЕРВАЯ
ОТДОСОБНАЯ
КАВБРИГАДА
им. СТАЛИНА

ПОД
РУКОВОДСТВОМ
В.К.П.^б

Обложка брошюры, выпущенной к десятилетию Особой кавбригады.

ДРАТЬСЯ И ПОБЕЖДАТЬ КАК ОСОБАЯ СТАЛИНСКАЯ!

Когда 1-й эскадрон 5-го кавполка на мгновение дрогнула под пудреным огнем белопольков, комэскадрона тов. Берзин, размахивая шашкой, бросился вперед, крича: «за меня!» Двести белопольков зарублено, сто двадцать взято, плен. Подкрепленный зраг переходит в контратаку. Две пули польского капрала впились в плечо комэскадрона. Покачнувшись, Берзин остается в седле. Еще можно действовать одной рукой и горячим наганом расстреливать противника. Но падает под Берзином конь, и только тогда воинском принимает командование эскадроном.

Так дрались командиры и бойцы 1-й Отдельной особой кавалерийской бригады им. Сталина. Все полки бригады имеют боевые винковские знамена. И суровый пурпур этих знамен — это кровь бойцов, легших за дело

«ЧТОБЫ СНОВА ХОРОШО РАБОТАТЬ»

Приветствую красноармейцев и командиров 2-й батареи от имени сельскохозяйственной артели, которую принесло склончившее со дня приезда из РККА. Как приехал из доблестных рядов РККА, работал на общественной работе в сельсовете, вечером ликвидировал 40 неграмотных, потом выбрал заместителя предправления колхозом и заведующим машинно-конной станцией. Сейчас учусь на курсах в Новом Осколе, чтобы снова хорошо работать.

Из письма красноармейца т. Трумона

УДАРНАЯ БРИГАДА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПРИКАЗ ПОДПИСАН

19 марта 1920 года тт. Ворониковым и Булданиным был подписан приказ № 85 Реввоенсовета по особому военному совету коннарики об организации 1-го Кавалерийского полка особого назначения, при ревсовете. Полк был сформирован в селении Средний Ягорлык, Ставропольской губернии.

После того как присоединили к полку вынужнение 62-й и 63-й полки, а также придали конную артиллерию, геройски действовавшую на армянском фронте, приказом РВС 1-й Конной от 15 мая 1920 года была окончательно сформирована Особая кавбригада.

В июне 1920 года бригада держится из левом фланге 1-й Конной и отводит готовившийся пражский удар по флангу и тылам армии, которая в это время вели бои в дубно-ренинском направлении.

Через несколько недель бригада уничтожила конники белопольев, которая пыталась преградить пути отхода 1-й Конной.

Октября в донских степях, в пересеках и болотных низинах западной Белоруссии, в бахах и ковыле бескарпатской Украины.

Тысячекилометровые марши с фронта на фронт, смертельные удары по белопольям, по Врангелю, по Махно, по князю Ухтомскому, по сотнику Дубине, по полковнику Назарову, героический прорыв железного кольца белопольев под Замостьем, бои под Тарнополем, под Львовом, под Брестом, взятие станции Львов, что говорят? Знаем ли мы эту историю, товарищи? Знаем ли имена Степного, Ракитина, Вайнер, Тюленева — командиров Особой сталинской? А имена Мишина, Абрюсимова, Белоцеркова, Десгинникова, имена Чиряева, Карпова, Кузнецова, Хеменко, Павлова и десятков других, коихости которых легли на эту землю, на которой мы строим социализм? Те, кто встали на место погибших в строю Особой сталинской кавбригады, встали к нам с нами. Знаем ли мы о коммюнике имени Сталина, созданном в ликой сибирской стени Троицкого округа красноармейцами бригады? О коммюнике «Красноармейской»? О том, как «грызут геометрическую прогрессию» бойцы бригады, чтобы дать промышленности необходимые кадры?

Этому умению умереть с пользой для дела класса, этому подлинному героизму, лишенному внешней краски, присущем храбрости, этой чистой, бесконтактной преданности партии и упорству в борьбе — этому мы должны учиться у Особой сталинской. Об этом напоминает рабочей молодежи 10-летний юбилей кавбригады имени Сталина, который пролетарская страна отмечала 15 мая этого года.

Комбриг тов. Ракитин.

В августе в местечке Лопатине полки бригады участвуют в ликвидации прорвавшейся ночью в расположение революционистов и полешттарма польской пехоты. Бригада восстанавливает положение фронта.

Под Замостьем бригада прорывает кольцо польских частей, чтобы дать выход 1-й Конной. После прорыва коннарики на Грубешовской бригада несколько раз восстанавливает положение на стыках дивизий 1-й Конной.

Весной 1921 года части бригады загибли на Махно в болотистую местность у м. Нехорошо, где ее разгромили окончательно.

В приказе Реввоенсовета № 26/2 от 10 мая 1930 года тов. Вороников пишет: «В день десятилетия бригады Центральный Исполнительный Комитет СССР, отметив боевой заслугу Особой кавбригады, присвоил ей имя тов. Сталина и в составе конно-артиллерийского дивизиона, наградил их орденом Красного Знамени.

Поздравляю бойцов, командиров и политработников бригады, а также всех ее старых ветеранов, именем с прежним упорством бывших на хозяйственном фронте за социалистическую пятилетку и коллективизацию сельского хозяйства, со славным юбилеем и высокой революционной наградой...»

Почетный караул бригады у знамен.

ГОЛОД В КИТАЕ

Борьба за власть, за овладение богатейшими провинциями, борьба военных клик, за спины которых противоречивые интересы империалистических хищников — вот что движет полководцами Южного и Северного Китая, прикрывающимися лозунгами «устроения Китая».

Генеральная драка ведется на крови и костях миллионов китайских рабочих.

Непосильные поборы, налоги, забираемые за десятки летперед, прямой грабеж крестьянского хозяйства разрушают до тла китайскую деревню, обрекают на голодную смерть миллионы, буквально миллионы трудящихся. Ужаснее всего обстоит дело в провинции Шанси. Здесь голодает до 5 миллионов крестьян. Лицемерная империалистическая клика в лице Лиги Наций отказалась организовать хоть какую-нибудь помощь голодающим. И они умирают десятками тысяч...

Людоедство, питание трупами — обычное явление, обычная картина — группы медленно умирающих

рающих семей, тут же на глазах у таких же несчастных, обреченных, ждущих смерти.

Китайское крестьянство не видит иного исхода, кроме борьбы под руководством пролетариата и под коммунистическими знаменами.

Последние известия из Китая говорят о мощном коммунистическом движении, захватывающем все новые и новые слои крестьянства.

Красная армия китайской коммунистической революции утверждает в ряде мест новую власть, власть советов.

ЛЕСОЗАВОД

Очерк Вяч. Волгина

Фото Б. Игнатович

В трех километрах от Архангельска, за деревушкой в несколько десятков домов должны быть выстроены четыре огромных лесозавода, по 12 рабочим каждый.

Что же это? Слово « завод» на позднем слову техники! Самые новые, самые быстроходные рамы будут разрезать на части толстые колоды. Вместо лошадей лес к заводам будут подавать элеваторы. Конвейеры и транспортеры мерными движениями развезут пиломатериалы по разным отделениям завода — в сушки, на деревообделочную фабрику и по системе роликов и бесконечных цепей на лесобиржи. Все будет делать машины и машины.

Все это будет не когда-либо, а через два месяца. Жесткие, короткие сроки. Для этого нужны сворхамериканские темпы и социалистическая гонка. Только он может дать такие темпы не выдающимся.

Сроки эти должен знать каждый: заводы «А» и «А-приим» будут пущены в июне. В июле 24 лесопильных рамы впервые выбросят на мировой рынок сибирскую экспортную доску. Две другие заводы — «Б» и «Б-приим» — должны быть пущены в январе 1931 г., — через 7 месяцев. Сейчас на стройке работают свыше пяти тысяч человек.

От реки Кузнецких до завода «А» тянется кружева будущего элеватора для подачи леса. Рядом с элеватором, параллельно ему прорывается канал, соединяющий реку с заводом.

Одни из первых участков строительства проочно связаны несколькими нитями железных дорог. Поддеснотка локомотивов, певуче посвистывая, развозят грузы, вывозят землю.

Черепаточные работы подходят к концу. Работают ярко: зимою экскаватор не способен черпать промерзшую землю, превратившуюся в одну сплошную глыбу, без края и границ. Работают лом и динамит.

Подрывники с сумками через плечо бурят отверстия и закладывают заряженные шашки. Короткие приступы синих рабочие прекращаются от усталости.

Первый глухой звук аэрона Винчеле белый, затем черный, зеленоватый, оттенком, стоял льма. Под ногами сильным толчком испуганно вздрогнула земля.

Раз, — считает подрывник и переводит взгляд на другой участок, где должен быть следующий взрыв.

— Да...

— Три...

Глыбы мерзлой земли срываются в ров.

— Семь...

— Восемь...

— Много еще? — нетерпеливо спрашивают рабочие, собравшиеся кучей вокруг подрывника.

Только три, — и снова мерзлый счет.

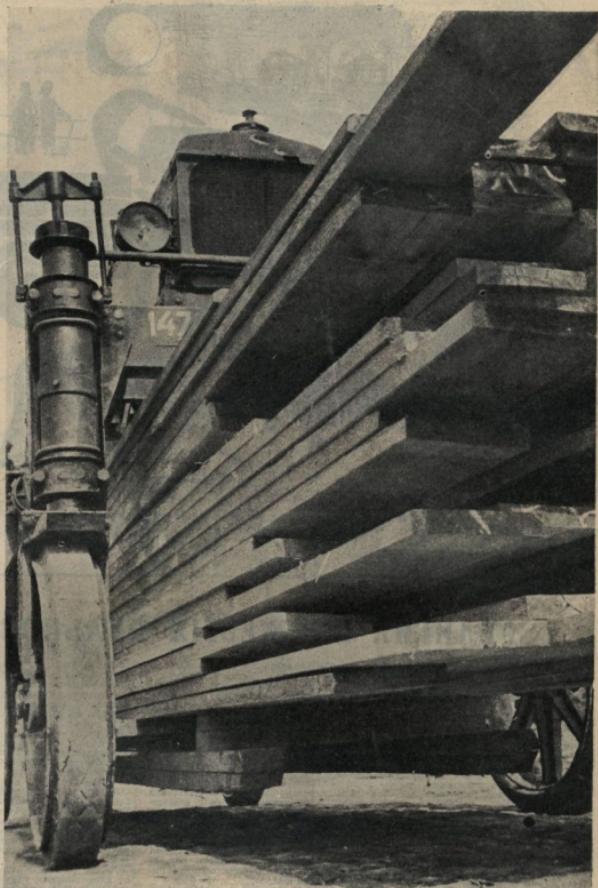
Короткий, отрывистый свист сообщает, что опасность миновала.

Вдоль канала оторванные кучи смерзшихся глыб еще дышат едкими газами. Землемеры набрасываются на них, дробят их ломами, складывают в вагонетки, а локомотивы поспешно увозят одну за другой длинными вереницами вагонеток.

Лесозавод «А» стоит в стороне, там, где засыпано озеро, канава и стоял элеватор. Это громкое здание, покрытое пятью башнями пристройками. Сорок деревянных столбов строго смотрят вверх, высоко поднявшись над разбросанными грудами строительных материалов. Здесь — цемент и сталь. Сталь и цемент.

Внизу, за наспех сколоченными временными досчатыми стенами заливают фундаменты для лесопильных рам. Куча гравия, песка сотни бочек цемента. Десятки рабочих, искусно ворочая широкими долапатами, приготавливают смесь для заливки. Там выливают ее в ямы, в которых заблокированы — формы рамных фундаментов.

Через два месяца зашлестает привод, закрутится маховики, и лесопильные забрызгают пахнущими смолой опилками.

Лесовоз.

Лесозавод «А-приим» так же в июне должен быть пущен в ход. На месте, где будет завод, теперь куча людей ведет работы по ажакадке фундамента.

Трудно представить, какой же нужен темп, чтобы в такой срок выстроить ипустить в ход этот двенадцатирамный завод.

Непроходимо болото, где еще вчера люди, несмотря на мороз, были поохотиться за утками, превращено теперь в сухую, прочную почву. Здесь строятся рабочий поселок. Десятки однотипных и двухэтажных домов с окнами. Строится новые десятки.

Есть одна существенный недостаток жилищтельства в поселке: дома строятся по старому «образу и подобию»: казарма-

общежитие и отдельные, ничем не связанные блоки для селебиума. Не сделаны условия, необходимые для бытового благоустроения коммуны. Комсомольскому колхозному труду строительства необходимо немедленно поставить вопрос о постройке образцового помещения для бытовой коммуны...

Ударничество проникало во все цеха, во все участки строительства. Работают по-ударному: больше тысячи рабочих, ударным обявили себя весь комсомольский коллектив.

Трудности, препятствия напирают с четырех сторон. Много недостатков, много головоломств на постройке.

Но ударники, не скрывая недостатков, по-большевистски.

В РАЗВЕДКУ ВОКРУГ ЗЕМНОГО ШАРА

РЕЙД СОТРУДНИКОВ «СМЕНЫ»:

Ближайшие сотрудники «Смены» в «Борьбе Миров» тоже Гильгендорф и Некрасов отправились в дальнее путешествие, чтобы рассказать читателям о том, как идет социалистическая стройка нашей страны, о том, как живут у нас и за границей.

мысли сахалинского побережья. Затем они продолжат путь по японской железной дороге и с развитием нефтедобычи, Некрасов на пароходе поедет во Владивосток, а оттуда на Камчатку.

Тои Гильгендорф вспомнил выехав из Ленинграда на советском пароходе, который доставил его в Лондон. Из Лондона Гильгендорф на трансатлантическом лайнере поедет в Нью-Йорк, где вместе с остальной командой пересядет на пароход Итальянец, купленный в Америке Камчатским акционерным обществом.

Потом матросом на Итальянце Гильгендорф поедет назад в СССР, в порт Владивосток или в Петропавловск на Камчатке.

В своих рассказах очерки и газетные статьи Гильгендорф знакомят читателей «Смены» и «Борьбы Миров» с жизнью и бытом советских моряков в дальнем плавании.

11 мая другой сотрудник «Смены» твой Некрасов вылетел на самолете из Востока. Переезд, в котором кроме летчиков Водопьянова и членов группы, участвует только твой Некрасов, является реконструкцией перелетом будущей воздушной линии Москва—Хабаровск.

В этом перелете, впервые в условиях повседневной работы, будут испытываться советские самолеты и летчики на линии Москва—Хабаровск.

В Иркутске сменится механик. Твой Некрасов полетит дальше в Хабаровск. Здесь машина станет в ремонт, а Некрасов с первым самолетом недавно открывшей линии Хабаровск—Александровск полетит в Сахалин.

На Сахалине твой Некрасов в качестве моториста на моторном боте обойдет рыбные про-

леинград—Лондон—Нью-Йорк—Владивосток—Камчатка—Сахалин—Хабаровск—Москва

чатку, где он надеется встретиться с Гильгендорфом.

Твой Некрасов обещает слать очерки в «Смену» и «Борьбу Миров» с различных этапов своего путешествия.

В своих очерках он опишет географическую работу советских летчиков на дальневосточных линиях, грандиозный размах советской стройки на Сахалине и Камчатке.

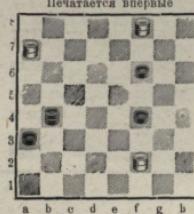
ШАШКИ

Под редакцией В. В. МЕДКОВА

4-й конкурс решений задач и этюдов

Этюд № 10

А. Бейлинсон (Смоленск)
Посыпается з. ГЕРШИНЫ
Печатаются впервые

Белые: Д. 12, f2, 18... (3)
Черн.: Д. 8; пр. а3, 14, f6... (4)

Белые начинают и выигрывают.

Решение 3-го конкурса

Этюд № 10 А. Бейлинсона. (Бел. Л. 14; пр. 12, черн. пр. b6, e7, h2. Выигрыш.)

1. f4—h6 b8—a5 (если 1...h2—g1, то 2. f6—h6 4. d2—c3 f6—g5 3. h6—d2 e7—h4 4. d2—c3 f6—g5 5. c3—g5—h6 6. d2—e1 и выигрыш).

Этюд № 11 П. С. Малкина. (Бел. пр. с5, е8. Черн. пр. а3, а7, f7. Выигрыш.)

1. c3—b1 2. с5—d6 f7—f6 8. f6—g7 9. g7—h8 10. h8—d4 и выигр.; а если 4....f6—g5 14. d3—b5; то 6. в4—b7 5. a5—b6 8. b6—c5; то 7. в4—b7 5. a5—b6 9. a7—b8 10. b8—f4 11. f4—c1.

Славный интересный этюдник с эффектом 1-м ходом (Л. А. П.).

1. с3—b1 2. с5—d6 f7—f6 8. f6—g7 9. g7—h8 10. h8—d4 и выигр.; а если 2....c5—d4, то 3. e3—b5 2. h6—e3 f8—g1? (A) 3. e3—h6 2. h6—e3 f8—g1? (A) 4. e3—b5 2. h6—e3 f8—g1? (A) 5. e3—b5 2. h6—e3 f8—g1? (A)

6. e3—b5 2. h6—e3 f8—g1? (A)

7. e3—b5 2. h6—e3 f8—g1? (A)

8. e3—b5 2. h6—e3 f8—g1? (A)

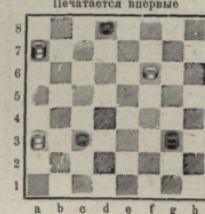
9. e3—b5 2. h6—e3 f8—g1? (A)

10. a1—b2? (A) 2....f7—e7 3.

c5—d6 4. e1—c3 и 5. e3—c1.

Этюд № 11

П. Мухинский (Ростов/Д.)
Печатаются впервые

Белые: Д. 12, a3, a7; пр. 16... (3)

Черн.: Д. g3; пр. с8, d3, e3... (3)

Белые начинают и выигрывают.

Этюд № 12 Л. Н. Денинбурга. (Бел. Л. ab, 1b; пр. 12, Черн. пр. g6, h2. Выигрыш.) 1. a5—b6 2. a7—g1 (если 1...h2—g1, то 2. c7—b8, затем 3. e1—d1 и выигр.) 2. c7—b8 4—e3 3. e1—f2 4. b8—a7 5. h4—g3 5. h8—g3 f2 и 6. c3—e1.

Имеет 6 побочных решений: 11. h8—a1, II 1. h8—b2, III 1. h8—g7, IV 1. a5—b4, V 1. a5—c3, VI 1. c7—d8. Автодоказано и 5 побочных решений прислано только один М. Мельчин (Харьков).

Этюд № 13 Э. Н. Денинбурга. (Бел. Д. ab, 1b; пр. 12, Черн. пр. 14; пр. eb, h4. Выигрыш.)

1. a3—c1 4—h2 (если 1...h4—h6, то 2. a7—e3 3. e1—d2 и выигр.; если 1...14—g3, то 2. c1—g3 и выигр.) 2. d8—g5 3. el—g3 4. el—d8 и выигрышуют.

Этюд № 14 М. Мельчина. (Бел. Д. ab, b6; пр. 16. Черн. пр. b4, c3, d2, h1. Выигрыш.)

1. b6—d8 b4—a3 (если 1...d2—c1 и если 1...to 2. a7—e3 и 12 и выигр.; если 1...c1—g3 и то 2. 16—g7 и выигр.) 2. a7—e3 3. g5—cl 4. c3—d2 (если 3...c3—b2, то 4. a7—d4 и выигр.) 4. cl—h6 a3—b2 5. a7—d4 и бел., выигрывают.

Задача № 7 Г. П. Белинсона. (Бел. Д. a1; пр. 16. Черн. пр. b4, c3, d2, h1. Задание 3 простых.)

1. a1—b2 h2—a3 g7 16 3. a3—c1 f6—g8 3. d6—e5 4. e3—d4 и т. д. 4. e3 d4—g5—i4 (A) 5. d4—e3 6. b4—c5 и 7. c1—a3 (A) 4...g5—h4 5. d2—e3 6. c1—d2 и 7. d2—e1.

Решение остальных задач и этюдов 3-го конкурса будут помещены в след. номере.

